ГЕРЦЕН И ЕГО ПИСЬМА «К СТАРОМУ ТОВАРИЩУ»

Предисловие Д. Чеснокова

Публикация В. Путинцева и Я. Черняка*

Ниже печатается уточненный по автографу текст писем Герцена «К старому товарищу» и публикуются материалы, раскрывающие историю возникновения в процессе известной полемики Герцена с Огаревым и Бакуниным в 1869 г. этого выдающегося памятника русской революционной мысли. Новые материалы имеют важное значение для оценки места, которое занимают письма «К старому товарищу» в духовном развитии Герцена.

Герцен работал над текстом писем «К старому товарищу» с января по осень 1869 г. На всех этапах этой работы он знакомил с ее результатами Огарева. Первоначальную редакцию писем «К старому товарищу» — статью «Между старичками» — в рукописи читал также Бакунин. В переписке Герцена и Огарева были подвергнуты детальному разбору и обсуждению важнейшие положения, выдвинутые в этих письмах. В результате развернувшейся дискуссии сложилась новая редакция писем «К старому товарищу», которая до сих пор была известна в несовершенных публикациях «Сборника посмертных статей» (Женева, 1870 г.) и последующих изданий и ниже *впервые печатается в полном и исправленном виде.*

«Письма» Герцена подводили итог всему ходу его идейно-политического развития. Сам Герцен полагал, что его расхождения с Бакуниным сводятся к разногласиям в тактике; он не осознал еще с достаточной ясностью, что между ним и Бакуниным произошел полный разрыв, раскрылась, как говорил Ленин, «пропасть между миросозерцанием уверенного в победе своего класса пролетария и отчаявшегося в своем спасении мелкого буржуа» (В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 11).

В самом деле, Бакунин в конце шестидесятых годов довел мелкобуржуазный индивидуализм и анархизм до крайних пределов. В разгар полемики с Герценом, в мае 1869 г., Бакунин опубликовал брошюру «Постановка революционного вопроса», в которой его обычный анархистский призыв к бунту перешел в пропаганду разбоя. Подобные произведения Бакунина способны были лишь компрометировать революцию и революционное движение и заставляли пролетарских революционеров, и прежде всего Маркса и Энгельса, подозрительно относиться не только к деятельности Бакунина, вред которой был очевиден, но и к *мотивам этой деятельности*, выглядевшей временами прямо-таки провокационно. Герцен и Огарев отнеслись к брошюре Бакунина резко отрицательно. Однако в то время как Огарев, выступая против плана Бакунина использовать разбойников в революционных целях, в общем его бунтарскую тактику признавал, Герцен, отвергая бакунинскую тактику, выступал и против бакунинского мировоззрения в целом. Это расхождение между Герценом и Огаревым привело к тому, что Огарев в тот период, когда Герцен обратил свои взоры к Коммунистическому Интернационалу, руководимому Марксом, дал вовлечь себя, несмотря на все предостережения Герцена, в агитационно-пропагандистскую кампанию, которую в 1869—1870 гг. авантюристически вели Бакунин и Нечаев.

---

* Тексты писем «К старому товарищу» и варианты подготовлены при участии Л. Ланского.

Герцен в конце шестидесятых годов, в результате долгих поисков ответа на мучившие его социальные вопросы, приблизился к правильному пониманию характера закономерностей исторического развития. Он начинает понимать, что основа закономерностей исторического развития лежит в экономике общества.

Уже в «письме первом» Герцен указывал: «Экономический переворот имеет необъятное преимущество перед всеми религиозными и политическими революциями — в трезвости своей основы. Таковы должны быть и пути его—таково обращение с данными. По мере того как он вырастает из состояния неопределенного страданья и недовольства, он невольно становится на *реальную почву*, тогда как все другие перевороты постоянно оставались одной ногой в фантазиях, мистицизмах, верованиях и неоправданных предрассудках, патриотических, юридических и пр. Экономические вопросы подлежат математическим законам».

Обращаясь к конкретному ходу исторического развития, Герцен констатировал закономерную смену типов общественных отношений. Капиталистический строй в свое время пришел на смену феодальному, но, в свою очередь, должен уступить место строю социалистическому. Герцен писал: «Ясно видим мы, что дальше делá не могут идти тáк, как шли, что конец исключительному царству капитала и безусловному праву собственности так же пришел, как некогда пришел конец царству феодальному и аристократическому. Как перед 1789 обмиранье мира средневекового началось с сознания несправедливого соподчинения среднего сословия, так и теперь переворот экономический начался сознанием общественной неправды относительно работников. Как тогда упрямство и вырождение дворянства помогли собственной гибели, так и теперь упрямая и выродившаяся буржуазия тянет сама себя в могилу» («письмо первое»).

Герцен не ограничивается констатацией закономерного хода исторического развития: он пытается оценить историческую роль различных классов в этом развитии и вплотную подходит к пониманию того, что общественной силой, призванной утвердить социалистический строй, является рабочий класс. Поэтому-то он с таким пристальным вниманием следит за работой конгресса Интернационала — того Интернационала, которым руководил Маркс. Следует, однако, отметить, что вера в рабочий класс еще только складывалась у Герцена; положение об исторической роли рабочего класса, как создателя социалистического общества, он формулировал в самой общей и очень расплывчатой форме. Кроме того, к рабочему классу он неправомерно относил кустарей, ремесленников и т. д. Но все это не умаляет значительности шага, сделанного Герценом в оценке роли рабочего класса в борьбе за социализм.

В «письме втором» Герцен говорит: «Работники, соединяясь между собой, выделяясь в особое „государство в государстве“, достигающее своего устройства и своих прав помимо капиталистов и собственников, помимо политических границ и границ церковных, составляют первую сеть и первый всход будущего экономического устройства. Международный союз может вырасти в Авентинскую гору * à l'intérieur **— отступая на нее, мир рабочих, сплоченный между собой, покинет мир, пользующийся без работы, на свою доходную непроизводительность... и он, отлученный, nolens volens ***, пойдет на сделки. А не пойдет — тем хуже для него, он сам себя поставит *вне закона* — и тогда гибель его отсрочится только настолько, насколько у нового мира нет сил».

Дальше Герцен специально останавливается на роли организации рабочего класса. «Международное соединение работников,— пишет он,— всевозможные соединения их, их органы и представители должны всеми силами достигать того невмешательства власти в *работу*, которое она не делает в *управлении собственностью*, должны становиться вольным парламентом четвертого состояния и вырабатывать свою внутреннюю организацию, будущую канву, без всяких вперед идущих теодицей и космологий».

Нетрудно здесь упрекнуть Герцена в абстрактности и неопределенности. У него нет четкой, заостренной постановки вопроса о непримиримой классовой борьбе про-

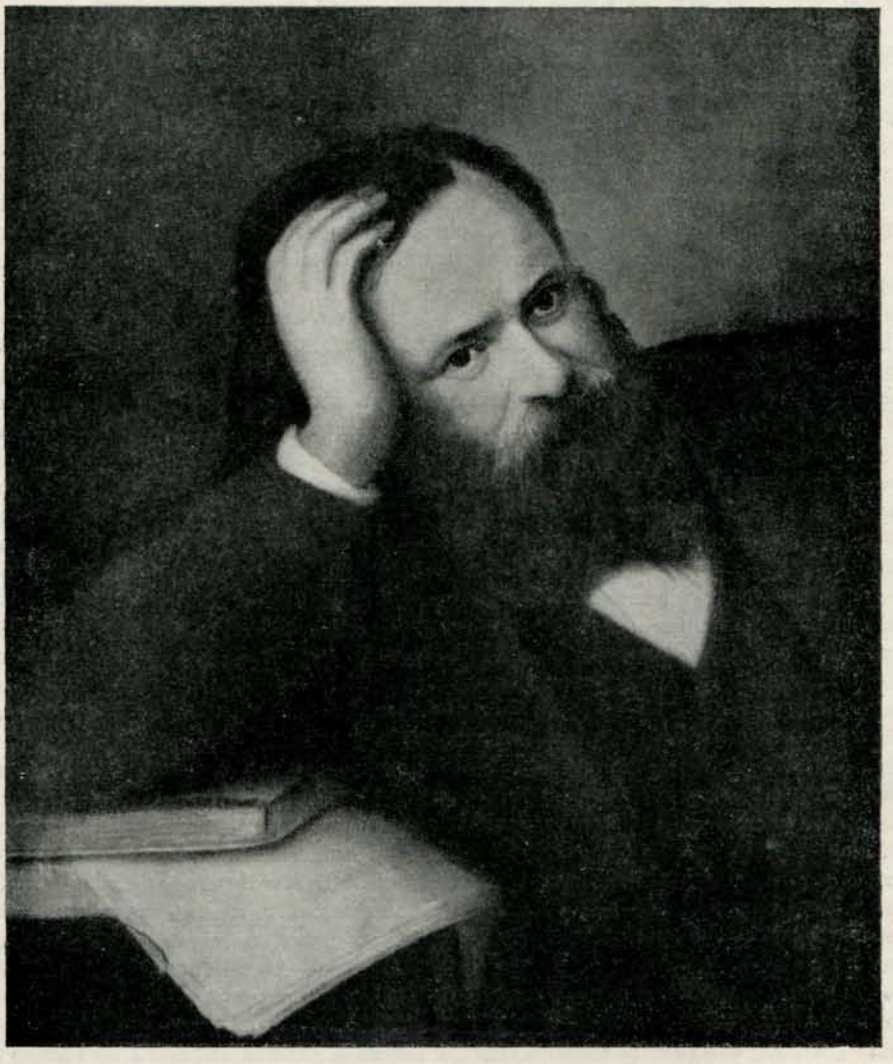
---

* На Авентинскую гору удалялись из Рима плебеи в момент обострения их борьбы с патрициями и этим вынуждали последних идти на уступки.— *Ред.*

** внутри ⟨т. е. в недрах буржуазного мира⟩ (франц.).

*** волей-неволей (лат.).

летариата и экспроприации экспроприаторов. Он не говорит прямо и ясно о необходимости социалистической революции, а тем более о диктатуре пролетариата. Однако Герцен уже «обратил свои взоры» к пролетариату и его партии; от иллюзий «надклассового» буржуазного демократизма он начал переходить на позиции «суровой,



ГЕРЦЕН

Пастель работы неизвестного художника по фотографии 1861 г. С. Л. Левицкого
Центральный государственный архив Октябрьской революции, Москва

непреклонной, непобедимой классовой борьбы пролетариата» (В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 11). Это и вызвало разрыв Герцена с идеологом отчаявшихся мелких буржуа — Бакуниным.

Борясь с Бакуниным, который, не выделяя рабочий класс из остальной массы тружеников, отрицал необходимость организации масс и делал ставку на их инстинкт, на их якобы постоянно существующую готовность к бунту, Герцен выдвигал задачу объединения и организации масс, прежде всего рабочего класса, под знаменем научной передовой теории. Он указывал на важность научного познания объективного хода исторического развития. Герцен понял, что без организации масс на базе передовых

революционных идей, без ясного понимания массами своих целей, их борьба не может иметь успеха.

«Наше время — именно время окончательного изучения,— писал Герцен в «письме первом»,— того изучения, которое должно предшествовать работе осуществления та́к, ка́к теория паров предшествовала железным дорогам. Прежде дело хотели взять грудью, усердием, отвагой и шли зря, на авось — мы на авось не пойдем».

В «письме втором» Герцен снова высказывает ту же мысль. «Обойти процесс пониманья так же невозможно, как обойти вопрос о силе»,— пишет он. В данном случае Герцен выступает уже не как просветитель, абстрактно рассуждающий о роли культуры и просвещения вообще, а как революционер, стремящийся найти движущие силы общественного развития и понять их действие, для того чтобы этими силами овладели массы в целях преобразования общественного строя. Поэтому Ленин, говоря в работе «Что делать?» о значении передовой революционной теории, называл Герцена в ряду других предшественников русской социал-демократии — Белинского, Чернышевского и блестящей плеяды революционеров 70-х годов — и ссылался на его опыт (Соч., т. 5, стр. 342).

Что касается путей преобразования общества, то в письмах «К старому товарищу» Герцен не преодолел полностью своих старых либеральных колебаний. Он явно злоупотреблял понятием «постепенности общественного развития». По мнению Герцена, дело не только в том, чтобы просвещать массы, но и в том, чтобы обращаться с проповедью к эксплуататорам, показать им неизбежность гибели, если они добровольно не откажутся от своих привилегий. «Твердыню собственности и капитала,— пишет Герцен в «письме первом»,— надобно потрясти расчетом, двойной бухгалтерией, ясным балансом дебета и кредита. Самый отчаянный скряга не предпочтет утонуть со всем товаром, если может спасти часть его и самого себя, бросая другую за борт. Для этого необходимо только, чтоб опасность была *так же* очевидна для него, как *возможность спасения*». Еще определеннее в этом отношении высказывается Герцен в заключительном «письме четвертом»: «Я не верю в серьезность людей, предпочитающих ломку и грубую силу развитию и сделкам. Проповедь нужна людям, проповедь неустанная, ежеминутная, проповедь, равно обращенная к работнику и хозяину, к земледельцу и мещанину. Апостолы нам нужны прежде авангардных офицеров, прежде саперов разрушенья,— апостолы, проповедующие не только своим, но и противникам».

За подобные отступления Герцена к либерализму цеплялись контрреволюционные либералы типа Струве, стремившиеся превратить Герцена в идеолога «постепеновщины». Однако все содержание писем «К старому товарищу» свидетельствует о том, что главным для Герцена было уничтожение капиталистического строя и замена его строем социалистическим. Эта замена, полагал Герцен, может быть осуществлена любым путем, который окажется целесообразным, в том числе и насильственным. Герцен возражал лишь против того, чтобы метод насильственных «толчков» и «взрывов» применялся при отсутствии созревших условий, а главное — он настаивал на том, *чтобы революционный взрыв был подготовлен*. Герцен, следовательно, выступал не против революции, а против авантюристической игры в революцию. Уже в «письме первом» Герцен заявлял, что «новый водворяющийся порядок должен являться не только мечом рубящим, но и силой хранительной». Он правильно указывал, что, ликвидируя старое, новый порядок должен использовать то, что накоплено людьми предшествующих поколений.

В «третьем письме», отвечая на вопрос, следует ли «сидеть сложа руки весь век», если условия для революционного преобразования общества не созрели, если массы не подготовились к нему, Герцен пишет: «Не знаю, весь ли век или часть его, но наверное до тех пор не сходить в рукопашную, пока нет ни единства убеждений, ни сосредоточенных сил... Быть правым в бою немного значит: правота давала победу только в суде божием — у нас на небесное вмешательство надежды мало». И Герцен требует, в «письме втором», чтобы революционеры умели «ждать и работать», а не шли «по старой колее пророков и прорицателей, иересиархов, фанатиков и цеховых революционеров», которые призывали к осуществлению революционного переворота в любой момент, не считаясь с исторической обстановкой.

Итак, в противоположность Бакунину и бакунистам, исходившим из предположения о постоянной готовности общества к взрыву, Герцен доказывал закономерность общественного развития.

Бакунистскому призыву к бунту он противопоставлял необходимость упорной, кропотливой работы с массами, ставке Бакунина на инстинкт и стихийность масс — ставку на организованное движение трудящихся во главе с пролетариатом, под знаменем научной теории.

Наконец, бакунистскому возвеличению личности и мелкобуржуазному индивидуализму Герцен противопоставил массовое организованное движение, указав на историческое значение организаций рабочего класса.

Еще колеблясь в вопросе о том, какими путями и методами капиталистическое общество может быть преобразовано в социалистическое, Герцен не сомневался, что при определенных условиях насильственная революция станет неизбежной, и требовал лишь, чтобы массы были подготовлены к революции и осуществляли ее, «*зная, куда идут, зная, что́ ломают и что́ сеют*» («Между старичками»).

Полемика, развернувшаяся вокруг первоначальной редакции «писем» Герцена, лишь укрепила его на этих новых позициях, противоположных позициям бакунизма.

Герцен решительно отстаивал свои новые позиции от критических нападок Огарева. Ярким примером этому является спор Герцена с Огаревым по вопросу об «экономических промахах» в историческом развитии. Огарев не понимал исторической роли капитализма: он считал его уродливым отклонением от нормального хода развития человечества. В первоначальной редакции «письма третьего» Герцен справедливо возражал Огареву: «Взяв у меня [слово] выражение „экономический промах", ты его относишь к современному политическому построению — словно оно по ошибке было сословным (а я думаю, что сословность — это расчленение — выход из безразличия в органическое единство). Всё исторически выработавшееся обстоятельствами, толчками и переворотами — Naturprodukt. Называть продукты истории, хотя бы они и устарели, политическими (или иными) промахами — то же, что считать лягушку зоологическим промахом».

Герцен возражает против подобного антиисторического подхода к общественной жизни. Он стремится понять закономерный ход ее развития.

Отвергая критические замечания Огарева, клонящиеся к отрицанию возможности познать закономерность исторического развития и к умалению роли экономической основы общества, Герцен внимательно относился к тем из его замечаний, в которых были подвергнуты критике отступления к либерализму в тактических вопросах. Как правило, эти поправки Огарева Герцен принимал.

Так, например, в статье «Между старичками» Герцен ставил вопрос: «Следует ли толчками возмущать творческую тишину внутренней работы, инкубации беспрерывной, неуловимой?..»* Огарев по этому поводу заметил: «Я не вижу в историческом ходе рода людского этой беспрерывной, неуловимой инкубации. История шла гораздо больше борьбой и прыжками, чем творческой тишиной внутренней работы». В рукописи, против этого возражения Огарева, Герцен написал: «Я не говорил о беспрерывности, а говорю о теперешней минуте». Иными словами, Герцен хотел сказать, что он переживаемый момент считает таким моментом развития, когда происходит эта инкубационная работа, но отнюдь не отрицает необходимости взрыва в будущем. Тем не менее, в окончательном тексте писем «К старому товарищу» Герцен изменил это положение: он опустил мысль о беспрерывной неуловимой инкубации и сильнее выделил место о роли «акушера», насильственно вмешивающегося в роды в целях их облегчения.

Критикуя с неправильных позиций точку зрения Герцена о соотношении политического и экономического моментов в истории, Огарев, однако, натолкнул Герцена на необходимость более четкой постановки этого вопроса. Герцен в окончательной редакции «писем» не противопоставляет экономические «промахи» политическим, а показывает приоритет экономических факторов над политическими и связь между

* Этот вопрос текстуально повторяется и в черновом, зачеркнутом варианте писем «К старому товарищу» (к «письму первому»).

ними; он устранил оборот речи, который давал повод упрекнуть его в том, что он недооценивает роль политики. Более того, Герцен в письмах «К старому товарищу» специально останавливается на роли политического фактора в истории и в связи с этим рассматривает такой важный вопрос, как роль государства в историческом развитии. Именно по этому вопросу Герцен дает бой Бакунину. Герцен указывает, что государство не только играло, но и будет играть важную роль в историческом развитии. «Государство не имеет собственного определенного содержания,— пишет Герцен,— оно служит одинаково реакции и революции, тому, с чьей стороны сила; это — сочетание колес около общей оси; их удобно направлять туда или сюда, потому что единство движения дано, потому что оно примкнуто к одному центру. Комитет общественного спасения представлял сильнейшую государственную власть, направленную на разрушение монархии. Министр юстиции Дантон был министр революции». Дальше Герцен прямо говорит, что революционеры должны использовать государство которое, конечно, отомрет, но только в отдаленном будущем, принеся пользу революции. «Из того, что женщина беременна,— пишет Герцен,— никак не следует, что ей завтра следует родить. Из того, что государство — форма *преходящая*, не следует, что это форма уже *прешедшая*... С какого народа, в самом деле, может быть снята государственная опека, как лишняя перевязка, без раскрытия таких артерий и внутренностей, которые *теперь* наделают страшных бедствий, а *потом* спадут сами?» («третье письмо»).

Интересно указание Герцена на то, что важным фактором, определяющим необходимость сохранения государства, являются международные отношения в условиях классового общества. Народ, строящий новое общество, утверждает Герцен, не может безнаказанно приступить к этому строительству без государства, поскольку он окружен другими народами, «страстно держащимися за государство». «Можно ли говорить о скорой неминуемости безгосударственного устройства, когда уничтожение постоянных войск и разоружение составляют дальние идеалы? И что значит *отрицать* государство, когда главное условие выхода из него—*совершеннолетие* большинства» («третье письмо»).

Эти рассуждения Герцена были непосредственно направлены против Бакунина, ратовавшего за немедленное установление безгосударственного строя.

Таким образом, полемика, развернувшаяся вокруг писем «К старому товарищу» в момент их создания, помогла Герцену укрепиться на новых позициях, связанных с выработкой нового мировоззрения, соответствующего положению рабочего класса. Правда, Герцен сделал еще только первые, но зато решающие, шаги в этой области, приведшие его к полному разрыву с анархистом Бакуниным.

Классическую оценку содержания писем Герцена «К старому товарищу» дал Ленин в своей знаменитой статье «Памяти Герцена»: «У Герцена скептицизм был формой перехода от иллюзий „надклассового" буржуазного демократизма к суровой, непреклонной, непобедимой классовой борьбе пролетариата. Доказательство: „Письма к старому товарищу", Бакунину, написанные за год до смерти Герцена, в 1869-м году. Герцен рвет с анархистом Бакуниным. Правда, Герцен видит еще в этом разрыве только разногласие в тактике, а не пропасть между миросозерцанием уверенного в победе своего класса пролетария и отчаявшегося в своем спасении мелкого буржуа. Правда, Герцен повторяет опять и здесь старые буржуазно-демократические фразы, будто социализм должен выступать с „проповедью, равно обращенной к работнику и хозяину, земледельцу и мещанину". Но все же-таки, разрывая с Бакуниным, Герцен обратил свои взоры не к либерализму, а к *Интернационалу*, к тому Интернационалу, которым руководил Маркс,— к тому Интернационалу, который начал *„собирать полки"* пролетариата, объединять *„мир рабочий"*, „покидающий мир пользующихся без работы"!» (Соч., т. 18, стр. 11).

Письма «К старому товарищу» открывали новый важный этап в духовном развитии Герцена от утопического к научному социализму. Преждевременная смерть оборвала этот этап в самом начале. Несколько месяцев спустя после создания «писем» Герцена не стало.

Д. Чесноков

ПОСЛЕДНЯЯ АВТОРСКАЯ РЕДАКЦИЯ ПИСЕМ «К СТАРОМУ ТОВАРИЩУ»

ОСНОВНОЙ ТЕКСТ

Выдающееся произведение Герцена — цикл полемических статей-писем против Бакунина, озаглавленный «К старому товарищу»,— не было опубликовано при жизни автора. В 1869 г. в письмах к Огареву Герцен не раз упоминал о том, что статьи против Бакунина он хотел бы напечатать (XXI, 279, 320, 374). Однако самому Герцену не суждено было осуществить этого намерения. «Письма» впервые увидели свет уже после смерти автора, в 1870 г., в «Сборнике посмертных статей», где они были напечатаны по подлинной рукописи. *Рукопись эта до сих пор оставалась неизвестной исследователям*; ныне она обнаружена в «пражской коллекции» Герцена — Огарева. Изучение автографа позволило установить, что в публикации 1870 г., до сих пор являвшейся первоисточником текста «писем», существует немало пробелов и неточностей. Издатели «Сборника» в «письме первом» опустили сопоставление «грядущего переворота» с мечтами фурьеристов (слова: «как мечтали о страстях фурьеристы»), в «письме втором» — определение задач «международного соединения работников» (т. е. 1-го Интернационала) как «вольного парламента четвертого состояния», и т. д.; в «третьем письме» вторая цитата из ответа Огарева, из сноски, куда ее поместил Герцен, оказалась перенесенной в основной текст. Некоторые места «писем» подверглись редакционным исправлениям. Отдельные слова при первой публикации «писем» были неверно прочитаны («примешивая» вместо «прилаживая» — в «письме первом»; «разъяснение» вместо «расчленение» и «обезоружение» вместо «разоружение» — в «третьем письме» и т. д.). В некоторых случаях эти ошибки изменяли смысл целой фразы. В тексте «Сборника», например, сказано: «Медленность, сбивчивость исторического хода понимания нас бесит и душит, она нам невыносима...» («письмо первое»). Между тем, анализ этого места в рукописи показывает, что слово «понимания» случайно осталось от написанной Герценом над строкой и потом вычеркнутой фразы и тоже должно быть опущено. А это существенно меняет самую мысль — речь идет, таким образом, *о медленности исторического процесса*, а не о медленности его познания. В «письме втором» Герцен пишет о «выгоде сводного хозяйства, общинных запашек полей», в «Сборнике» же напечатано: «*свободного* хозяйства». Вместо «взять неразвитие *силой* невозможно» («третье письмо») в «Сборнике» стояло: «взять неразвитие *силы* невозможно». Пропуск тире в предложении («третье письмо»): «Террор так же мало уничтожает предрассудки, как завоевание — народности» — делал утверждение Герцена двусмысленным. Совершенно произвольно поступали издатели «Сборника» с герценовским курсивом, обычно имеющим ярко выраженный смысловой характер.

В общей сложности количество исправлений, вносимых рукописью в первопечатный текст «писем», доходит до ста. При сопоставлении же подлинника с позднейшими изданиями писем «К старому товарищу» эта цифра значительно возрастает. Источником дальнейшей порчи герценовского текста — на этот раз преднамеренной — явилась царская цензура. Она осуществила свое варварское вмешательство в текст писем при их опубликовании в V томе так называемого «павленковского издания» собрания сочинений Герцена (СПб., 1905). Как это ни странно, но именно этот искаженный текст лег в основу публикации «писем» в томе XXI «Полного собрания сочинений и писем» Герцена под редакцией Лемке. Трудно объяснить, почему Лемке, не имея возможности обратиться к подлиннику, обратился не к первопечатной публикации «Сборника», а к изуродованному царскими цензорами тексту «павленковского издания», хотя дело, как известно, происходило уже в советское время (XXI том вышел в 1923 г.).

Публикация Лемке, в свою очередь, послужила дополнительным и — вследствие популярности издания — главным источником распространения дефектного текста, обедненного идейно и политически, а в ряде случаев и грубо искаженного. Игнорируя

первопечатный источник — «Сборник» 1870 года, новейшие редакторы сочинений Герцена обращались к текст у писем в издании Лемке и публиковали письма «К старому товарищу» (см. издания «Избранных философских произведений» 1940, 1946 и 1948 гг.) без таких, например, мест: «Государство, церковь, войско — отрицаются точно так же логически, как богословие, метафизика и пр. В известной научной сфере они осуждены, но вне ее академических стен они владеют всеми нравственными силами» («письмо первое»), или: «С консерватизмом народа труднее бороться, чем с консерватизмом трона и амвона. Правительство и церковь сами початы духом отрицания, борьба мысли недаром шла под их ударами—она заразила разящую руку; самозащищение правительства — корыстно и гонения церкви — лицемерны» («третье письмо»). В «письме втором» из характеристики «теократических и политических догматов» выпадало указание на догмат «надобно ⟨...⟩ царя слушаться»; после слов: «Отними у самого бедного мужика право завещать — и он возьмет кол в руки и пойдет защищать „своих, свою семью и свою волю“» — опускалось: «т. е. непременно станет за попа, квартального и чиновника, т. е. за трех своих злейших опекунов, обирающих его, предупреждающих, чтоб он ничего не оставил своим, но не оскорбляющих его человеческое чувство к семье, как он его понимает»; опускались слова о том, что Аракчеев имел «за себя секущее войско, секущую полицию, императора, сенат и синод». Из издания в издание переходили купюры в начале «письма второго», где речь идет как раз о «международных работничьих съездах», т. е. о руководимом Марксом Интернационале. Из «третьего письма» выпадала характеристика польского восстания как «правого в требовании, мужественного в исполнении», исчезали слова: «как дева, бог весть с чего зачавшая», и т. п.

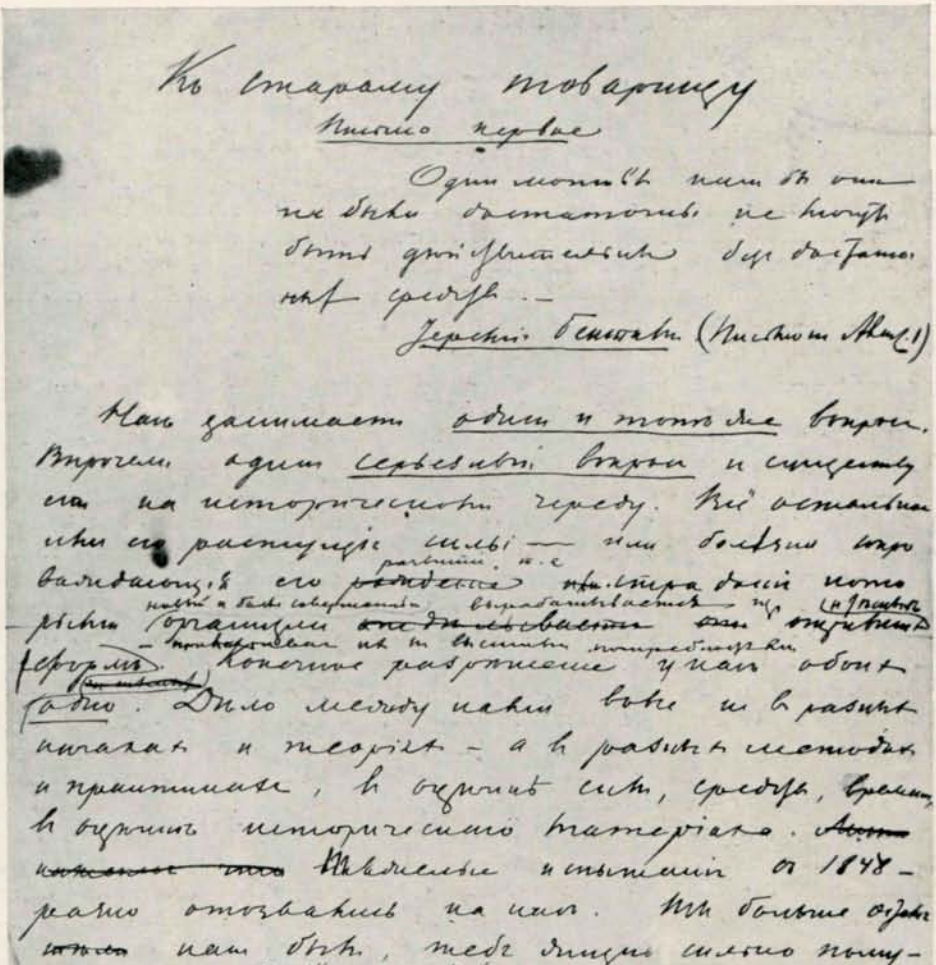
Публикация писем «К старому товарищу» по подлинной рукописи Герцена должна положить конец подобным недопустимым искажениям текста одного из наиболее выдающихся памятников русской революционной мысли.

Вместе с тем нельзя забывать об особенной судьбе замечательного произведения Герцена: работа над этой рукописью им *не была завершена*. Прервав шлифовку и уточнение текста осенью 1869 г., Герцен не имел, по ряду причин, возможности возобновить работу над «письмами» и умер, не доведя ее до конца. Характер публикуемого автографа не оставляет сомнений в том, что Герцен, если бы ему привелось самому подготовить рукопись к печати или править корректуры, внес бы в текст еще немало дополнений, исправлений и уточнений. Об этом свидетельствует наличие в рукописи нескольких мест, правка которых была Герценом начата, но не окончена. Это подтверждают также имеющиеся в автографе наброски вставок — они не отделаны и оставлены без точных указаний, куда намеревался автор их отнести.

Этими особенностями рукописи и объясняются, отчасти, многочисленные недостатки первой публикации «писем», в отношении текстологическом, недостатки, в отдельных случаях затруднявшие понимание мысли Герцена.

Мы не ставили своей задачей окончательное разрешение всех вопросов, связанных с текстом писем «К старому товарищу». Наша задача заключалась в том, чтобы подготовить и обнародовать все материалы, необходимые для исследования документа.

Для установления текста писем «К старому товарищу» мы располагаем в настоящее время в качестве источников: а) полной автографической черновой рукописью последней авторской редакции всех четырех писем «К старому товарищу»; б) рукописными фрагментами статьи Герцена «Между старичками» и других первоначальных редакций писем «К старому товарищу»; в) полемическими заметками Герцена на полях рукописей Огарева — его ответов «старому другу». Изучение всех рукописных источников позволяет *впервые документально установить текст последней авторской редакции* «писем» Герцена и воспроизвести его *полностью*. Прочитаны также и *публикуются все варианты рукописи*; сведенные воедино, они во многих случаях глубже разъясняют развитие мысли Герцена, сущность его замысла и пополняют драгоценными штрихами общую идейную характеристику выступления Герцена. В свете этих новых данных еще раз и с особенной силой выступает гениальная проникновенность и точность ленинской характеристики писем «К старому товарищу».



К старому товарищу

Письмо первое

Одни мысль нам бы они не были достаточны, не могут быть достаточны для достаточных средств. —

Дерский бесовать. (Письмо Ал.(.)

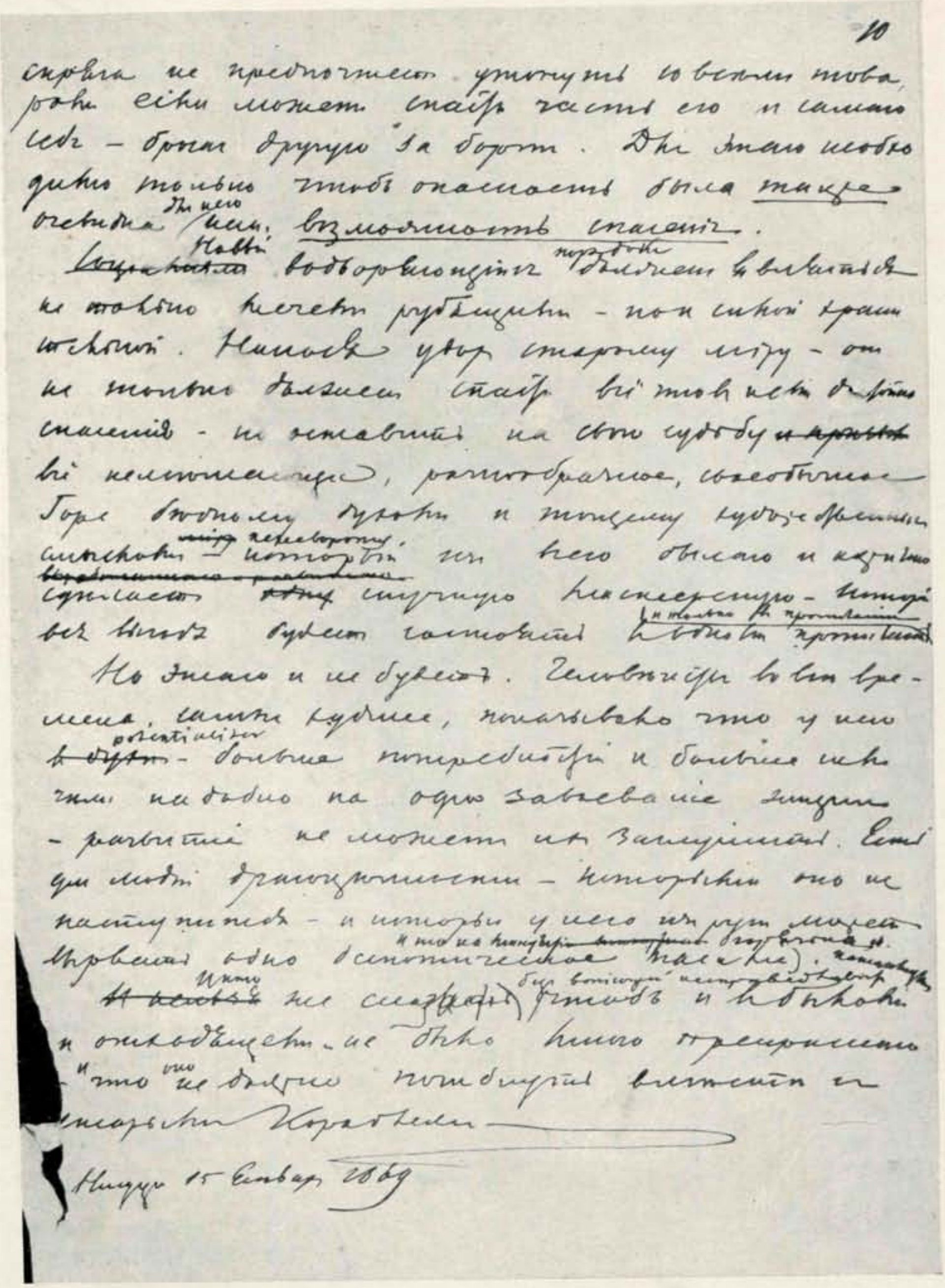
Нас занимает один и тот же вопрос. Впрочем, один серьезный вопрос и сводится на исторический спор. Всё остальное или его расширяющие силы — или болезненно развивающийся его рождение. Старый порядок — порядок, который не в состоянии разрабатывается — и, в противоречии с ним, в состоянии потребности — ~~отрицанием~~ реформы. Конечное разрешение у нас обоих одно. Дело между нами вовсе не в разных началах и теориях — а в разных методах и приемах, в оценке сил, средств, времени, в оценке исторического материала. ~~Мы~~ Движение событий от 1848 — резко отозвались на нас. Мы больше ожидали нам быть, тебе дышь сильно помогла — меня только, но мы были вместе — в стороне. Но если в изменении — ~~[illegible]~~ — то вероятно что изменились все.

Экономически-социальный вопрос становится теперь иначе чем он был двадцать лет назад. Он переделал свои реформы и идеальный возраст — тем же нам возраст [illegible]

АВТОГРАФ ПЕРВОГО ПИСЬМА «К СТАРОМУ ТОВАРИЩУ», 1869 г.

Лист первый

Центральный государственный архив Октябрьской революции, Москва



10

скорее не предпочтут утопить со всем това-
ром, если может спасти часть его и самих
себя — бросая другую за борт. Для этого необхо-
димо только, чтоб опасность была также
очевидна, [illegible] возможность спасения.
Новые водворяющиеся порядки должны являться
не только мечом рубящим — но силой храни-
тельной. Нанося удар старому миру — они
не только должны спасти всё, что в нем достойно
спасения — но оставить на свою судьбу
всё немешающее, разнообразное, своеобычное.
Горе бедному духом и тощему художественным
смыслом перевороту, который из всего былого и нажитого
сделает скучную мастерскую — которой
вся выгода будет состоять в одном пропитании
Но этого и не будет. Человечество во все вре-
мена, самые худшие, показывало, что у него
potentialiser — больше потребностей и больше сил,
чем надобно на одно завоевание пищи
— развитие не может их заглушить. Есть
ли люди, фанатики — которым оно не
наступило — и которые у него из рук могут
вырвать одно [illegible] [illegible]. [illegible]
[illegible] не [illegible] [illegible] и [illegible]
и [illegible] — не было много прекрасного
и что не должно погибнуть вместе с
старыми кораблями —

Ницца 15 Январ. 1869

АВТОГРАФ ПЕРВОГО ПИСЬМА «К СТАРОМУ ТОВАРИЩУ», 1869 г.

Лист последний

Центральный государственный архив Октябрьской революции, Москва

К СТАРОМУ ТОВАРИЩУ

ПИСЬМО ПЕРВОЕ

«Одни мотивы, как бы они ни были достаточны, не могут быть действительны без достаточных средств».

Иеремия Бентам
(*Письмо к Александру* I)

Нас занимает *один и тот же* вопрос. Впрочем, один *серьезный вопрос* и существует на историческом череду. Всё остальное — или его растущие силы... или болезни, сопровождающие его развитие, т. е. страдания, которыми новый и более совершенный организм вырабатывается из отживших и тесных форм, прилаживая их к высшим потребностям. Конечное разрешение у нас обоих *одно*. Дело между нами вовсе не в разных началах и теориях, а в разных методах и практиках, в оценке сил, средств, времени, в оценке исторического материала. Тяжелые испытания с 1848 разно отозвались на нас. Ты больше остался, как был, тебя жизнь сильно помучила — меня только помяла, но ты был вдали — я стоял возле. Но если я изменился, то вспомни, что *изменилось всё*.

Экономически-социальный вопрос становится теперь иначе, чем он был двадцать лет тому назад. Он пережил свой религиозный и идеальный, юношеский возраст—так же, как возраст натянутых опытов и экспериментаций в малом виде, самый период жалоб, протеста, исключительной критики и обличенья приближается к концу. В этом великое знамение его совершеннолетия. Оно достигается наглядно, *но не достигнуто*, не от одних внешних препятствий, не от одного отпора, но и от внутренних причин. Меньшинство, идущее вперед, не доработалось до ясных истин, до практических путей, до полных формул будущего экономического быта. Большинство — наиболее страдающее—стремится одною частью (городских работников) выйти из него, но удержано старым, традиционным миросозерцанием другой и самой многочисленной части. Знание и пониманье не возьмешь никаким coup d'état * и никаким coup de tête **. Медленность, сбивчивость исторического хода нас бесит и душит, она нам невыносима, и многие из нас, изменяя собственному разуму, торопятся и торопят других. Хорошо ли это, или нет? В этом весь вопрос.

Следует ли толчками возмущать с целью ускорения внутреннюю работу, которая очевидна? Сомнения нет, что акушер должен ускорять, облегчать, устранять препятствия, но в *известных* пределах—их трудно установить и страшно переступать. На это, сверх логического самоотвержения, надобен ⟨т⟩акт*** и вдохновенная импровизация. Сверх того, не везде одинакая работа — и одни пределы.

Петр I, Конвент научили нас шагать семимильными сапогами, шагать из первого месяца беременности в девятый и ломать без разбора всё, что попадется на дороге. Die zerstörende Lust ist eine schaffende Lust **** — и вперед за неизвестным богом-истребителем, спотыкаясь на разбитые сокровища — вместе со всяким мусором и хламом.

...Мы видели грозный пример кровавого восстания, в минуту отчаяния и гнева сошедшего на площадь и спохватившегося на баррикадах, что у него нет знамени. Сплоченный в одну дружину мир консервативный побил его — и следствие этого было то ретроградное движение, которого следовало ожидать — но что было бы, если б победа стала на сторону

---

* государственным переворотом (франц.).
** наскоком (франц.).
*** *Рукопись повреждена.*
**** Страсть разрушенья есть творческая страсть ⟨Бакунин⟩.

баррикад? — в двадцать лет грозные бойцы высказали всё, что у них было за душой?.. Ни одной построяющей, органической мысли мы не находим в их завете, а экономические промахи, не косвенно, как политические, а прямо и глубже ведут к разорению, к застою, к голодной смерти.

Наше время — именно время окончательного изучения, того изучения, которое должно предшествовать работе осуществления та́к, ка́к теория паров предшествовала железным дорогам. Прежде дело хотели взять грудью, усердием, отвагой и шли зря, на авось — мы на авось не пойдем.

Ясно видим мы, что дальше дела́ не могут идти так, как шли, что конец исключительному царству капитала и безусловному праву собственности так же пришел, как некогда пришел конец царству феодальному и аристократическому. Как перед 1789 обмиранье мира средневекового началось с сознания несправедливого соподчинения среднего сословия, так и теперь переворот экономический начался сознанием общественной неправды относительно работников. Как тогда упрямство и вырождение дворянства помогли собственной гибели, так и теперь упрямая и выродившаяся буржуазия тянет сама себя в могилу.

Но общее постановление задачи не дает ни путей, ни средств, ни даже достаточной среды. Насильем их не завоюешь. Подорванный порохом весь мир буржуазный, когда уляжется дым и расчистятся развалины, снова начнет с разными изменениями *какой-нибудь буржуазный* мир. Потому что он *внутри не кончен и потому еще, что ни мир построяющий, ни новая организация* не настолько готовы, чтоб пополниться, осуществляясь. Ни одна основа из тех, на которых покоится современный порядок, из тех, которые должны рухнуть и пересоздаться, не настолько почата и расшатана, чтоб ее достаточно было вырвать силой, чтоб исключить из жизни. Государство, церковь, войско отрицаются точно так же логически, как богословие, метафизика и пр. В известной научной сфере они осуждены, но вне ее академических стен они владеют всеми нравственными силами.

Пусть каждый добросовестный человек сам себя спросит, готов ли он? Так ли ясна для него новая организация, к которой мы идем, как общие идеалы — коллективной собственности, солидарности, — и знает ли он процесс (кроме простого ломанья), которым должно совершиться превращение в нее старых форм? И пусть, если он лично доволен собой, пусть скажет, готова ли та среда, которая по положению должна первая ринуться в дело?

Знание неотразимо — но оно не имеет принудительных средств — излеченье от предрассудков медленно, имеет свои фазы и кризисы. Насильем и террором распространяются религии и политики, учреждаются самодержавные империи и нераздельные республики — насильем можно разрушать и расчищать место — не больше. Петрограндизмом социальный переворот дальше каторжного равенства Гракха Бабёфа и коммунистической барщины Кабе не пойдет. Новые формы должны всё обнять и вместить в себе все элементы современной деятельности и всех человеческих стремлений. Из нашего мира не сделаешь ни Спарту, ни бенедиктинский монастырь. Не душить одни стихии в пользу других следует грядущему перевороту, а уметь все согласовать к общему благу (как мечтали о страстях фурьеристы).

Экономический переворот имеет необъятное преимущество перед всеми религиозными и политическими революциями — в трезвости своей основы. Таковы должны быть и пути его — таково обращение с данными. По мере того как он вырастает из состояния неопределенного страданья и недовольства, он невольно становится на *реальную почву*, тогда как все другие перевороты постоянно оставались одной

Россійская Социаль-Дем. Рабочая Партія. Le SOCIAL-DEMOCRATE Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

СОЦІАЛЬДЕМОКРАТЪ

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ОРГАНЪ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТІИ.

№ 26. Среда 8 мая (25 апрѣля) 1912 года. Цѣна 30 сант.

Памяти Герцена.

Минуло сто лѣтъ со дня рожденія Герцена. Читающая часть либеральной Россіи, избегающая обсуждать серьезные вопросы соціализма, тщательно скрывала, чѣмъ отличался революціонеръ Герценъ отъ либераловъ. Позабывъ Герцена и прикрывшись именемъ, обманно забывъ, что Герценъ отрицалъ подъ конецъ жизни отъ революціи. А ея заграничныхъ, либеральныхъ и народническихъ рабовъ и Герценъ шаритъ «враговъ и врага».

Рабочая партія должна помнить Герцена не разъ обращательнаго свидѣтельства, а для уясненія своихъ идеалъ для уясненія настоящаго историческаго пути русскаго, такъ рано выпавшаго на долю ея политической русской революціи.

Герценъ принадлежитъ къ немногимъ дворянскимъ, понимающимъ революціонеровъ первой половины прошлаго вѣка. Дворяне эпохи Россіи Бородиныхъ и Аракчеевыхъ, большинство количество сдѣлалось паспортъ, любовь, картежныхъ игрокахъ, героевъ кулачныхъ, попрей, крепостныхъ обычаяхъ «гражданскихъ», за прекрасныхъ Маниловыхъ. «И между ними — писалъ Герценъ — разнообразно лежа 14 декабря, сидѣли герои, выдающіеся, лишь Рокуэлъ и Рекъ, мощности дикаго лѣса. Что какое то богатыри, полные силъ чистой, отдаленъ съ головы до ногъ, конечно — неуклюжаемы, ошибающіе сокровенно на плечо тебѣ, чтобы разбудить къ порой какой можно наивѣтіе и очистить тѣмъ, рождающихъ въ грудѣ пылкостью и работоспособъ».

Къ числу такихъ тѣмъ принадлежитъ Герценъ. Большинство декабристовъ разбудили и сдвинулись они. Въ крѣпостной Россіи было годовъ 12 тѣмъ они сумѣли подняться до такого высокаго, что встать на уровень съ встрѣчавшимъ ихъ самого времени. Они усвоили диалектику Гегеля. Они понять, что она представляетъ изъ себя «жаркій революціонъ». Они поняли такіе Гегеля, съ матеріализмъ, вѣдь за Февраль хочъ. Перенесъ къ «Письмъ объ изученіи природы» — обсуждая и изжитокъ — «тяжелыми въ 1848 году, можешь ты какъ мыслитель, который, какъ теперь, гнилой мысли больше современныхъ естественнонаучныхъ открытіяхъ и тѣмъ тѣмъ мыслителямъ, имѣющимъ доказательствъ и получаетъ». Герценъ пытаетъ подходить къ диалектическому матеріализму и остановился передъ — историческимъ матеріализмъ.

Это «остановка» и вызвала отсюда кризисъ Герцена конца пораженія революціи 1848 г. Герценъ пишетъ уже Гегеля и наблюдать отъ революціи непосредственно. Онъ были тогда демократомъ, революціонеромъ, соціалистомъ. Но его соціализмъ принадлежитъ къ числу тѣмъ безчисленныхъ къ концу 18-го года корнъ и разновидностей буржуазнаго и мелкобуржуазнаго соціализма, которыя была окончательно убиты пораженіемъ дикаго. Въ отношеніи, это быть конечно не соціалистъ, а прекраснодушная кряхъ, доброе мечтаніе, въ которое обвиняла свою необходимую революціонность буржуазная демократія, а равно не высвободившійся изъ оковъ ея вліянія пролетаріатъ.

Духовный кризисъ Герцена, его глубокій скептицизмъ и неосознанъ потомъ 1848-го года былъ кризисомъ буржуазнаго мелкаго въ соціализмѣ. Духовная кряхъ Герцена была порождаемъ и отражалась на всемірно-исторической оценки, когда революціонность буржуазной демократіи уже умерла (въ Европѣ), а революціонность соціалистическаго пролетаріата еще не сформѣла. Этого не понимали и не могли понять рыцари либеральнаго русскаго самообманъ, которые превращаютъ свои контръ-революціонныя мечтанія пораженія и скептицизмъ Герцена. У этихъ рыцарей, которые предали русскую революцію 1905-го года, которые забыли и стараются незнаютъ знаніи революціонера, скептицизмъ есть форма перехода отъ демократіи къ либерализму, — въ тому хотѣлось, полному, грязному и гнусному либерализму, который разстрѣливалъ рабочихъ въ 48 году, который поклонялся разрушенію Тріеста, который руководилъ Наполеонъ III и которой проклинаетъ, не умѣя понять его классовой природы Герценъ.

У Герцена скептицизмъ былъ черной переходъ отъ плохой соціалистическаго буржуазнаго демократизма къ стороной, непреклонной, неизбѣжной классовой борьбѣ пролетаріата. Доказательства: «Письмъ къ старому товарищу». Бакунину, написанныя за годъ до смерти Герцена, въ 1869 въ 1869 году. Герценъ ростъ съ анархистомъ Бакуниномъ. Прощаетъ Герценъ сюда въ этомъ разрывѣ только разногласіе въ тактикѣ, а не пропасть между пролетарскимъ либеральнаго въ добѣлѣ своего класса пролетарія и отчаяннаго въ своемъ классовомъ мелкаго буржуа. Прощаетъ Герценъ не порвать связи и здѣсь старая буржуазно-демократическая кряхъ, братъ сообщаетъ вдвоемъ выступать съ противоядіемъ равно обращенной къ рабочему и помѣщику, земледѣльцу и ремесленнику. Но вскоре-тамъ, разрывъ съ Бакуниномъ, Герценъ обратилъ свои взоры не къ либералитету, а къ Интернаціоналу, къ тому Интернаціоналу, которымъ руководилъ Марксъ, — къ тому Интернаціоналу, который началъ «собирать силы пролетаріата, объединяя «всѣ рабочіе», «поднимающіе міръ возмущающихся безъ работы».

Не понимъ буржуазно-демократической сущности своего движенія 1848-го года и объяснъ корнъ до-марксовскаго соціализма, Герценъ тѣмъ болѣе не могъ понять буржуазной природы русской революціи. Герценъ — основоположникъ «русскаго соціализма», «народничества». Герценъ видѣлъ «соціализмъ» въ освобожденіи крестьянъ съ землей, въ общинномъ землевладѣніи и въ крестьянской идеѣ «права на землю». Свои изобѣленныя мысли на эту тему онъ развивалъ безчисленное количество разъ.

Но тѣмъ въ этомъ умѣніи Герценъ, какъ и во всемъ русскомъ народничествѣ — нѣтъ ни малѣйшаго народничества теперешнихъ «соціалистовъ-революціонеровъ» — нѣтъ ни грамъ соціализма. Это — такая же прекраснодушная кряхъ, такое же доброе мечтаніе, обманывающее революціонность буржуазной демократіи въ Россіи, какъ и разныя формы «соціализма» 18-го годъ на лицѣ. Чѣмъ больше такая получила бы крестьяне въ 1861-мъ году и чѣмъ дешевѣе бы они ее получили, тѣмъ сильнѣе были бы подорваны власть крѣпостниковъ помѣщиковъ, тѣмъ свободнѣе и шире шло бы развитіе капитализма въ Россіи. Идея «права на землю» и «уравнительнаго раздѣла земли» есть не что иное какъ формулировка революціонныхъ стремленій къ равенству со стороны крестьянъ, борющихся за полное свержение помѣщичьей власти, за полное уничтоженіе помѣщичьяго землевладѣнія.

Революція 1905-го года вполнѣ доказала это: съ одной стороны, пролетаріатъ выступалъ вполнѣ самостоятельно на сцѣнѣ революціонной борьбы, создалъ свою рабочую партію, съ другой стороны, революціонные крестьяне (трудовики) и крестьянской школы, боролись за полное полученіе помѣщичьяго землевладѣнія власть, за отмѣну частной собственности на землю, боролись именно какъ только, какъ мелкіе предприниматели.

Въ настоящее время соціократы, начиная Бонапартистовъ, права на землю и т. п. сдѣлать только замѣненную и прикрытіе дѣйствительно важныхъ и серьезныхъ историческихъ интересъ: в различіи контръ-революціонныхъ либеральныхъ и реакционныхъ крестьянства въ русской буржуазной революціи, иначе говоря, о либеральной и демократической, и «соціалистической» (монархической) и республиканской тенденціяхъ въ этой революціи. Именно этотъ вопросъ поставилъ «Колоколъ» Герцена, если смотрѣть на суть дѣла, а не на кряжъ, — если поставить классовую борьбу, какъ основу «теоріи» и ученія, а не наоборотъ.

Герценъ создалъ вольную русскую прессу загранцей

НОМЕР ГАЗЕТЫ «СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТ» ОТ 8 МАЯ (25 АПРЕЛЯ) 1912 г.
ЗДЕСЬ БЫЛА ВПЕРВЫЕ НАПЕЧАТАНА СТАТЬЯ В. И. ЛЕНИНА «ПАМЯТИ ГЕРЦЕНА»

Заголовок газеты и начало статьи с цитатой из писем «К старому товарищу»

Институт Маркса—Энгельса—Ленина при ЦК КПСС, Москва

ногой в фантазиях, мистицизмах, верованиях и неоправданных предрассудках, патриотических, юридических и пр.

Экономические вопросы подлежат математическим законам. Конечно, математический как и всякий научный закон носит доказательств⟨а⟩ в самом себе и не нуждается ни в эмпирическом оправдании, ни в большинстве голосов. Но для *приложения* — эмпирическая сторона и все внешние условия осуществления выступают на первый план. «Мотивы могут быть истинны, но без достаточных средств они не осуществятся». Всё это принято во всех делах человеческих и обходится слишком сангвиническими людьми в деле такого значения, как общественное пересоздание. Какой механик не знает, что его выкладка, формула не перейдет в действительность, пока в ряду явлений, захватываемых им, будут элементы, не подчиняющиеся, посторонние или подлежащие другим законам. Большей частью в физическом мире эти возмущающие элементы несложны и легко вводятся в нее, как вес линии маятника, упругость среды, в которой делаются его размахи, и пр. В мире исторического развития это не так просто. Процессы общественного роста, их отклонения и уклонения, их последние результаты до того переплелись, до того неразымчато взошли в глубочайшую глубь народного сознания, что приступ ⟨к⟩ ним вовсе не легок, что с ними надобно очень считаться — и одним реестром отрицаемого, отданным, как в «приказе по социальной армии», ничего, кроме путаницы, не сделаешь.

Против ложных догматов, против верований, как бы они ни были безумны, одним отрицаньем, как бы оно ни было умно, бороться нельзя. Сказать «не верь!» так же авторитетно и, в сущности, нелепо, как сказать «верь!» Старый порядок вещей крепче *признанием его*, чем материальной силой, его поддерживающей. Это всего яснее там, где у него нет ни карательной, ни принудительной силы, где он твердо покоится на *невольной* совести, на неразвитости ума и на незрелости новых воззрений *, как в Швейцарии и Англии.

Народное сознание так, как оно выработалось, представляет естественное, само собой сложившееся, безответственное, *сырое* произведение разных усилий, попыток, событий, удач и неудач людского сожития, разных инстинктов и столкновений — его надобно принимать за естественный факт и бороться с ним, как мы боремся со всем бессознательным, — изучая его, овладевая им и направляя его же средства сообразно нашей цели.

В социальных нелепостях современного быта никто не виноват, и никто не может быть казнен — с большей справедливостью, чем море, которое сек персидский царь, или вечевой колокол, наказанный Иоанном Грозным. Вообще винить, наказывать, отдавать на копья — всё это становится ниже нашего пониманья. Надобно проще смотреть, физиологичнее, и окончательно пожертвовать уголовной точкой зрения, а она, по несчастью, прорывается и мешает понятия, вводя личные страсти в общее дело и превратную перестановку невольных событий в преднамеренный заговор. Собственность, семья, церковь, государство были огромными воспитательными нормами человеческого освобождения и развития — мы выходим из них по миновании надобности.

---

* Что говорить о папских силабусах и индексах, о полицейских наказаниях за такие-то и такие-то мнения, о сенатских решениях философских вопросов, когда неясность, сбивчивость самых элементарных понятий поражают в мире *свободного мышления*, в высших сферах оппозиций и революции... Вспомни старый спор Маццини против Прудона и новое препирательство о вменении, о воле, об идеализме, о позитивизме — Жирарден, Луи Блан, Жюль Симон.— *Примеч. Герцена.*

Обрушивать ответственность за былое и современное на последних представителей «прежней правды», делающейся «настоящей неправдой», так же нелепо, как было нелепо и несправедливо казнить французских маркизов за то, что они не якобинцы, и еще хуже — потому что мы за себя не имеем якобинского оправдания — наивной веры в свою правоту, в свое право. Мы изменяем основным началам нашего воззрения, осуждая целые сословия и в то же время отвергая уголовную ответственность отдельного лица. Это мимоходом — для того, чтоб не возвращаться.

Прежние перевороты делались в сумерках, сбивались с пути, шли назад, спотыкались и, в силу внутренней неясности, требовали бездну всякой всячины, разных вер и геройств, множества выспренних добродетелей, патриотизмов, пиэтизмов. Социальному перевороту ничего не нужно, кроме *пониманья и силы*, знанья — и средств.

Но пониманье страшно обязывает. Он⟨о⟩ имеет свои неотступные угрызения разума и неумолимые упреки логики.

Пока социальная мысль была неопределенна, ее проповедники — сами верующие и фанатики — обращались к страстям и фантазии столько, сколько к уму. Они грозили собственникам карой и разорением, позорили, стыдили их богатством, склоняли их на добровольную бедность страшной картиной ее страданий. (Странное captatio benevolentiae * — согласись). Из этих средств социализм вырос. Не то надобно доказать собственникам и капитал⟨ист⟩ам, что их обладание грешно, безнравственно, беззаконно — понятия, взятые из совсем иного миросозерцания, чем наше, — а то, что *нелепость* его пришла к сознанию неимущих, в силу чего оно становится *невозможным*. Им надобно показать, что борьба против неотвратимого — бессмысленное истощение сил и что чем она упорнее и длиннее, тем к бо́льшим потерям и гибелям она приведет. Твердыню собственности и капитала надобно потрясти расчетом, двойной бухгалтерией, ясным балансом дебета и кредита. Самый отчаянный скряга не предпочтет утонуть со всем товаром, если может спасти часть его и самого себя, бросая другую за борт. Для этого необходимо только, чтоб опасность была *так же* очевидна для него, как *возможность спасения*.

Новый водворяющийся порядок должен являться не только мечом рубящим, но и силой хранительной. Нанося удар старому миру, он не только должен спасти всё, что в нем достойно спасения, но оставить на свою судьбу всё не мешающее, разнообразное, своеобычное. Горе бедному духом и тощему художественным смыслом перевороту, который из всего былого и нажитого сделает скучную мастерскую, которой вся выгода будет состоять в одном пропитании, и только в пропитании.

Но этого и не будет. Человечество во все времена, самые худшие, показывало, что у него в potenzialità** — больше потребностей и больше сил, чем надобно на одно завоевание жизни — развитие не может их заглушить. Есть для людей драгоценности, которыми оно не поступится и которые у него из рук может вырвать одно деспотическое насилие, и то на минуты горячки и катаклизма.

И кто же скажет без вопиющей несправедливости, чтоб и в былом и отходящем не было много прекрасного и что оно *** должно погибнуть вместе с старым кораблем.

Ницца. 15 января 1869

---

* домогательство благоволения (лат.).
** возможности (итал.).
*** *Далее, очевидно по ошибке:* не

ПИСЬМО ВТОРОЕ

Международные работничьи съезды становятся ассизами *, перед которыми вызывается один социальный вопрос за другим; они получают больше и больше организующий склад, их члены — эксперты и следопроизводители. Они самую стачку и остановку работ допускают, как тяжелую необходимость, как pis aller**, как средство сосчитать свою силу, как боевую организацию. Серьезный характер их поразил врагов. Сильное *их покоя* испугало фабрикантов и заводчиков. Было бы огромное несчастие, если б они преждевременно вышли из этого строя.

Работники, соединяясь между собой, выделяясь в особое «государство в государстве», достигающее своего устройства и своих прав помимо капиталистов и собственников, помимо политических границ и границ церковных, составляют первую сеть и первый всход будущего экономического устройства. Международный союз может вырасти в Авентинскую гору à l'intérieur***—отступая на нее, мир рабочих, сплоченный между собой, покинет мир, пользующийся без работы, на свою доходную непроизводительность... и он, отлученный, nolens-volens, пойдет на сделки. А не пойдет — тем хуже для него, он сам себя поставит *вне закона* — и тогда гибель его отсрочится только настолько, насколько у нового мира нет сил. А пока их нет — надобно в тиши собирать полки́ и не грозить. Угроза при бессилии вредна. Подавленный взрыв двинет назад. Досуг нужен для двойной работы — серьезного изученья и вербованья пониманьем,— а настороженный враг, имеющий силу в руках, схватится за оружие для своей обороны прежде, чем противный стан успеет построиться. Уничтожать и топтать всходы легче, чем торопить их рост. Тот, кто не хочет ждать и работать, тот идет по старой колее пророков и прорицателей, иересиархов, фанатиков и цеховых революционеров. А всякое дело, совершающееся при пособии элементов безумных, мистических, фантастических, в последних выводах своих непременно будет иметь и безумные результаты рядом с дельными. Сверх того, пути эти всё больше и больше зарастают для нас травой, пониманье и обсуживание — наше единственное оружие. Теократические и политические догматы не требуют пониманья, они даже тверже и крепче покоятся на вере, без духа критики и анализа. «Папу надобно считать непогрешимым, царя слушаться, отечество защищать, писания и предписания исполнять...» Всё прошлое, из которого мы хотим выйти, так и шло. Менялись формы, образы, обряды — сущность оставалась та же. Человек, склонявший голову перед капуцином, идущим с крестом, делал то же, что человек, склоняющий голову перед решением суда, как бы оно нелепо ни было. Из этого-то мира нравственной неволи и подавторитетности, повторяю, мы и бьемся выйти в ширь пониманья, в мир *свободы в разуме.* Всякие попытки обойти, перескочить сразу — от нетерпенья, увлечь авторитетом или страстью—приведут к страшнейшим столкновениям и, что хуже, к почти неминуемым поражениям. Обойти процесс пониманья так же невозможно, как обойти вопрос о силе. Навязываемое предрешение всего, что *составляет вопрос*, поступает очень бесцеремонно с *освобожденным веществом.* Взять вдруг человека, умственно дремавшего, и огорошить его в первую минуту, спросонья, рядом мыслей, сбивающих все его нравственные понятия и к которым ему не поставлено лестницы, вряд ли много послужит развитию! — а скорее смутит, собьет с толку оглушенного или, обратным действием, оттолкнет его в свирепый консерватизм.

---

* судилищами (франц. «assises»).
** крайнее средство (франц.).
*** внутри ⟨т. е. в недрах буржуазного мира⟩ (франц.).

Я нисколько не боюсь слова «постепенность», опошленного шаткостью и неверным шагом разных реформирующих властей. Постепенность так, как непрерывность, неотъемлемы всякому процессу разуменья. Математика передается постепенно, отчего же конечные выводы мысли и социологии могут прививаться, как оспа, или вливаться в мозг так, как вливают лошадям сразу лекарства в рот?

Между конечными выводами и современным состоянием есть практические облегчения, компромиссы, диагонали, пути. Понять, которые из них короче, удобнее, возможнее — дело практического такта, дело революционной стратегии. Идя без оглядки вперед, можно затесаться, как Наполеон в Москву, — и погибнуть, отступая от нее и не доходя даже до Березины.

Международное соединение работников, всевозможные соединения их, их органы и представители должны всеми силами достигать того невмешательства власти в *работу*, которое она не делает в *управлении собственностью*, должны становиться вольным парламентом четвертого состояния и вырабатывать свою внутреннюю организацию, будущую канву, без всяких вперед идущих теодицей и космологий.

Формы, сдерживающие людей в полунасильственных и в полудобровольных ковах, à la longue * не вынесут напора логики и развития общественного пониманья. Одни из них до того внутри сгнили, что им — дать толчок ногой; другие, как рак, держатся корнями в дурной крови. Ломая одинаким образом те и другие, можно убить организм и наверное заставить огромное большинство отпрянуть. Всего яростнее восстанут за «рака» наиболее страдающие от него... Это очень глупо, но пора с глупостью считаться, как с громадной силой.

Во всей Европе подымется за старые порядки сплошь всё крестьянское население. А разве мы не знаем, что такое сельское население? Какова его упорная сила и упорная косность? Отобрав из рук революции земли эмигрантов, оно-то и подсидело республику и революцию. Конечно, оно отпрянет и накинется по неразумью и невежеству... но в этом-то вся важность.

На неразумье и невежестве зиждется вся прочность существующего порядка, на них покоятся старые, устарелые воспитательные формы, в которых люди вырастали из несовершеннолетия и которые жмут теперь меньшинство, но которых вредную ненужность большинство не понимает. Мы знаем, что значит ошибиться в возрасте и в степени пониманья. Всеобщая подача голосов, навязанная неприготовленному народу, послужила бы для него бритвой, которой он чуть не зарезался.

Но если понятия государства, суда сильны и крепки, то еще крепче укоренены понятия о семье, о собственности, о наследстве... Отрицание собственности — само по себе бессмыслица; «собственность не погибнет», скажу, парафразируя известную фразу Люд⟨овика⟩-Филип⟨па⟩. Видоизменение ее, вроде перехода из *личной* в *коллективную*, неясно и неопределенно. Крестьянину на Западе так же необходимо привилась его любовь к *своей* земле, как в России легко понимается крестьянством общинное владение. Нелепого тут ничего нет. Собственность, и особенно поземельная, для западного человека представлялась освобождением, его самобытностью, его достоинством и величайшим гражданским значением... Может быть, он убедится в невыгоде беспрерывно крошащихся и дробимых участков и в выгоде сводного хозяйства, общинных запашек, полей... но как же его «без пристрастия» уломать, чтоб он спервоначала отказался от веками взлелеянной мечты, которой он жил и тешился и которая, действительно, поставила его на ноги — прикрепила *к нему* землю — к которой *он* был прежде крепок?

---

* с течением времени (франц.).

Вопрос, прямо идущий затем, — вопрос о наследстве, еще труднее. Кроме холостых фанатиков вроде монахов, раскольников, икариан и пр., никакая масса не согласится на безусловное отречение от права завещать какую-нибудь часть своего достояния своим наследникам. Я не знаю довода, по которому было бы можно противудействовать против этой формы любви избирательной или кровной, против передачи вместе с жизнию, с чертами, даже с болезнями — вещей, служивших мне орудием? Разве, во имя обязательного *братства* и *любви ко всем*? В худшем человеческом положении — у дворовых крепостных людей были кой-какие тряпки, которые они оставляли своим и которые почти никогда не отбирались помещиками. Отними у самого бедного мужика право завещать — и он возьмет кол в руки и пойдет защищать «своих, свою семью и свою волю», т. е. непременно станет за попа, квартального и чиновника, т. е. за трех своих злейших опекунов, обирающих его, предупреждающих, чтоб он ничего не оставил своим, но не оскорбляющих его человеческое чувство к семье, как он его* понимает.

— Что же тогда?.. Или свернуть свое знамя и отступить, потому что сила, очевидно, будет с их стороны, или ринуться в бой и в случае местной, временной победы начать водворение нового порядка — нового освобождения ... избиением!

Аракчееву было сполагоря вводить свои военно-экономические утопии, имея за себя секущее войско, секущую полицию, императора, сенат и синод, да и то ничего не сделал. А за упразднением государства — откуда брать «экзекуцию», палачей и пуще всего фискалов — в них будет огромная потребность? Не начать ли новую жизнь с сохранения социального корпуса жандармов?

Неужели цивилизация кнутом, освобождение гильотиной составляют вечную необходимость всякого шага вперед?..

...Дальше я не пойду теперь. А скажу в заключение вот что. Стоя возле трупов, возле ядрами разрушенных домов, слушая в лихорадке, как расстреливали пленных, я всем сердцем и всеми помышлениями звал дикие силы на месть и разрушение старой, преступной веси, — звал, даже не очень думая, чем она заменится.

С тех пор прошло двадцать лет.

Месть пришла с другой стороны, месть пришла сверху... Народы всё вынесли, *потому что ничего не понимали*, ни тогда, ни после; середина вся растоптана и втоптана в грязь... Длинное, тяжелое время дало досуг страстям успокоиться и мыслям отстояться, дало досуг на обдумание и наблюдение.

Ни ты, ни я, мы не изменили наших убеждений, но разно стали к вопросу. Ты рвешься вперед попрежнему со страстью разрушенья, которую принимаешь за творческую страсть... ломая препятствия и уважая историю только в будущем. Я не верю в прежние революционные пути и стараюсь понять *шаг людской* в былом и настоящем, для того, чтоб знать, как идти с ним в ногу, не отставая и не забегая в такую даль, в которую люди не пойдут за мной — не могут идти.

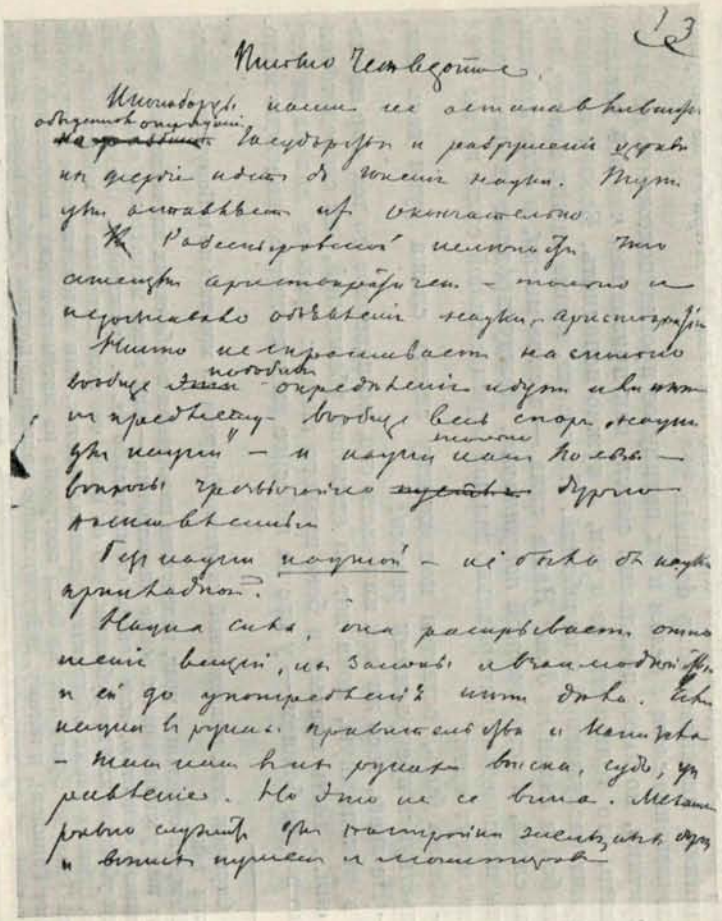
И еще слово. Высказать это в том кругу, в котором мы живем, требует, если не больше, то, конечно, не меньше мужества и самостоятельности, как брать во всех вопросах самую крайнюю крайность. Я думаю, ты со мной согласишься в этом...

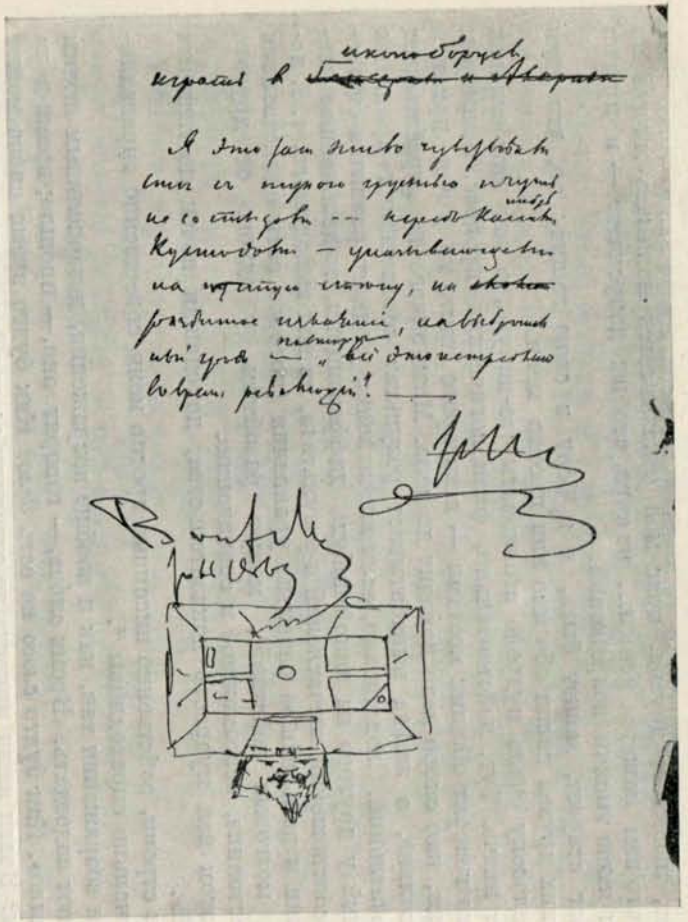
И⟨сканде⟩р

25 января 1869
Nizza.

---

* *В рукописи, очевидно по ошибке:* их





АВТОГРАФ ЧЕТВЕРТОГО ПИСЬМА «К СТАРОМУ ТОВАРИЩУ», 1869 г.

Листы первый и последний

Центральный государственный архив Октябрьской революции, Москва

ТРЕТЬЕ ПИСЬМО

Нет, любезные друзья, мозг мой отказывается понимать многое из того, что вам кажется ясным... из того, что вы допускаете — и против чего я имею тысячи возражений.

Мозг стареет, может быть, и я беру в свою защиту то, что один из наших друзей писал обо мне или против меня.

«Человеку очень мудрено втолковать что-нибудь, о чем этот человек думает иначе. Тут, действительно, физиологический процесс, о котором столько говорят общими местами — и которого никто не хочет принять в расчет, как скоро дело доходит до дела. Мозг ничего не вырабатывает произвольно, а всегда вырабатывает результат соотношения принятых им впечатлений. Следственно, если впечатления у одного разнятся от впечатлений у другого на какой-нибудь дифференциал, то дальнейшее развитие соотношения впечатлений и результата, из них выводимого, т. е. постановка и дальнейшее развитие уравнения (которое есть единственная форма мозговых действий), может разойтись у одного от другого на расстояние, невозможное к совпадению.

В этом вся мудрость доказательства, доходящая почти до тщетных усилий».

Эти строки, собственно писанные против меня, совершенно справедливы, печально справедливы *.

Мои возражения так, как и вообще возражения, нетерпеливым людям начинают надоедать. «Время сло́ва,— говорят они,— прошло; время де́ла наступило». Как будто *слово* не есть *дело*? Как будто время сло́ва может пройти? Враги наши никогда не отделяли *слова* и *дела* и казнили за *слово* не только одинаким образом, но часто свирепее, чем за *дело*. Да и действительно, какие-нибудь «Allez dire à votre maître» ** Мирабо не уступят по влиянию никакому coup de main ***.

Расчленение *слова* с *делом* и их натянутое противуположение не вынесет критики, но имеет печальный смысл, как признание, что всё уяснено и понято, что толковать не о чем, а нужно исполнять. Боевой порядок не терпит рассуждений и колебаний. Но кто же, кроме наших врагов, готов на бой и силен *на дело*? Наша сила — в силе мысли, в силе правды, в силе слова, в исторической *попутности*. Международные сходы только сильны проповедью; материально дальше отрицательной силы гревы **** они не могут идти.

— Стало быть, остается попрежнему сидеть сложа руки весь век, довольствуясь прекрасными речами?

— Не знаю, весь ли век или часть его, но наверное до тех пор не сходить в рукопашную, пока нет ни единства убеждений, ни сосредоточенных сил... Быть правым в бою немного значит: правота давала победу только в суде божием — у нас на небесное вмешательство надежды мало.

---

* Отрывок этот, приведенный из ответа Огарева на мое письмо к Бакунину, оканчивается так:

«Каждый отдельный мозг, вследствие нарощения в себе своих впечатлений, встречает от них уклоняющиеся новые впечатления — или вовсе мимоходно, или не с достодолжной емкостью, или совсем отрицательно (т. е. враждебно). Отсюда каждый человек убежден или предубежден, что он прав, что́ положительно не может быть доказано, даже в таких абстрактных специальностях, как математические построения (теория Тихо де Браге так же была построена на математических построениях, как и теория Галилея), и потому, действительное признание истины требует новых мозгов, не увлеченных предыдущими впечатлениями. На этом даже зиждется знаменитое историческое развитие, или прогресс».— *Примеч. Герцена.*

** «Ступайте, скажите вашему господину» (франц.).

*** внезапному удару (франц.).

**** забастовки, стачки (от франц. «grève»).

Чем кончилось польское восстание— правое в требовании, мужественное в исполнении, но невозможное по несоразмерности сил?..

Каково теперь на совести тем, которые подталкивали поляков?

На это говорят наши противники с каким-то философским фатализмом:

«Избрание путей истории не в личной власти; не события зависят от лиц, а лица — от событий. Мы только мнимо заправляем движением, но, в сущности, плывем, куда волна несет, не зная, до чего доплывем».

Пути вовсе не неизменимы. Напротив, они-то и изменяются с обстоятельствами, с пониманьем, с личной энергией. Личность создается средой и событиями, но и события осуществляются личностями и носят на себе их печать; тут — взаимодействие. Быть страдательным орудием каких-то не зависимых от нас сил — как дева, бог весть с чего зачавшая,— нам не по росту. Чтоб стать слепым орудием судеб, бичом, палачом божиим, надобно наивную веру, простоту неведения, дикий фанатизм и своего рода непочатое младенчество мысли. Честно мы не можем брать на себя ни роль Аттилы, ни даже роль Антона Петрова. Принимая их, мы должны будем обманывать других или самих себя. За эту ложь нам придется отвечать перед своей совестью и перед судом близких нам по духу.

То, что мыслящие люди прощали Аттиле, Комитету общественного спасения и даже Петру I, не простят нам. Мы не слыхали голоса, призывавшего нас свыше к исполнению судеб, и не слышим подземного голоса снизу, который указывал бы путь. Для нас существует один голос и одна власть — *власть разума и пониманья.*

Отвергая их, мы становимся расстригами науки и ренегатами цивилизации.

Самые массы, на которых лежит вся тяжесть быта, с своей македонской фалангой работников, ищут слова и пониманья — и с недоверием смотрят на людей, проповедующих аристократию науки и призывающих к оружию. И заметьте, проповедники не из народа, а из школы, из книги, из литературы. Старые студенты, жившие в отвлеченьях, они ушли от народа дальше, чем его заклятые враги. Поп и аристократ, полицейский и купец, хозяин и солдат имеют больше прямых связей с массами, чем они. Оттого-то они и полагают возможным начать экономический переворот с tabula rasa, с выжиганья дотла всего исторического поля, не догадываясь, что поле это с своими колосьями и плевелами составляет всю непосредственную почву народа, всю его нравственную жизнь, всю его привычку и всё его утешенье. С консерватизмом народа труднее бороться, чем с консерватизмом трона и амвона. Правительство и церковь сами початы духом отрицания, борьба мысли недаром шла под их ударами — она заразила разящую руку; самозащищение правительства — корыстно и гонения церкви — лицемерны.

Народ — консерватор по инстинкту и потому, что он не знает ничего другого, у него нет идеалов вне существующих условий; его идеал — буржуазное довольство так, как идеал Атта-Троля у Гейне был абсолютный белый медведь. Он держится за удручающий его быт, за тесные рамы, в которые он вколочен; он верит в их прочность и обеспеченье, не понимая, что эту прочность он-то им и дает. Чем народ дальше от движения истории, тем он упорнее держится за усвоенное, за знакомое. Он даже новое понимает только в старых одеждах. Пророки, провозглашавшие социальный переворот анабаптизма, облачились в архиерейские ризы. Пугачев для низложения немецкого дела Петра сам назвался Петром, да еще самым немецким, и окружил себя андреевскими кавалерами из казаков и разными псевдо-Воронцовыми и Чернышевыми.

Государственные формы, церковь и суд выполняют овраг между непониманием масс и односторонней цивилизацией вершин. Их сила и размер — в прямом отношении с неразвитием их. Взять неразвитие силой невозможно.

Ни республика Робеспьера, ни республика Анахарсиса Клоца, оставленные на себя, не удержались, а вандейство надобно было годы вырубать из жизни. Террор так же мало уничтожает предрассудки, как завоевания — народности. Страх вообще вгоняет внутрь, бьет формы, приостанавливает их отправление и не касается содержания. Иудеев гнали века; одни гибли, другие прятались—и после грозы являлись и богаче, и сильнее, и тверже в своей вере.

Нельзя людей освобождать в наружной жизни больше, чем они освобождены *внутри*. Как ни странно, но опыт показывает, что народам легче выносить насильственное бремя рабства, чем дар излишней свободы.

В сущности, все формы исторические—volens-nolens—ведут от одного освобождения к другому. Гегель в самом рабстве находил (и очень верно) шаг к свободе; то же—явным образом—должно сказать о государстве,— и оно, как рабство, идет к самоуничтожению — и его нельзя сбросить с себя, как грязное рубище, до известного возраста.

Государство — форма, через которую проходит всякое человеческое сожитие, принимающее значительные размеры. Оно постоянно изменяется с обстоятельствами и прилаживается к потребностям. Государство везде начинается с полного порабощения лица — и везде стремится, перейдя известное развитие, к полному освобождению его. Сословность — огромный шаг вперед, как расчленение и выход из животного однообразия, как раздел труда. Уничтожение сословности — шаг еще больший. Каждый восходящий или воплощающийся принцип в исторической жизни представляет *высшую правду* своего времени—и тогда он поглощает лучших людей; за него льется кровь и ведутся войны; потом он делается *ложью* и, наконец, воспоминанием... Государство не имеет собственного определенного содержания — оно служит одинаково реакции и революции, тому, с чьей стороны сила; это — сочетание колес около общей оси; их удобно направлять туда или сюда, потому что единство движения дано, потому что оно примкнуто к одному центру. Комитет общественного спасения представлял сильнейшую государственную власть, направленную на разрушение монархии. Министр юстиции Дантон был министр революции. Инициатива освобождения крестьян принадлежит самодержавному царю. Этой государственной силой хотел воспользоваться Лассаль для введения социального устройства. Для чего же—думалось ему—ломать мельницу, когда ее жернова могут молоть и нашу муку? На том же самом основании и я не вижу разумной применимости — в отречении.

Между мнением Лассаля и проповедью о неминуемом распущении государства в федерально-коммунную жизнь — лежит вся разница обыкновенного рождения и выкидывания. Из того, что женщина беременна, никак не следует, что ей завтра следует родить. Из того, что государство — форма *преходящая*, не следует, что это форма уже *прешедшая*... С какого народа, в самом деле, может быть снята государственная опека, как лишняя перевязка, без раскрытия таких артерий и внутренностей, которые *теперь* наделают страшных бедствий, а *потом* спадут сами?

Да и будто какой-нибудь народ может безнаказанно начать такой опыт, окруженный другими народами, страстно держащимися за государство, как Франция и Пруссия и пр. Можно ли говорить о скорой неминуемости безгосударственного устройства, когда уничтожение постоянных войск и разоружение составляют дальние идеалы? И что значит *отрицать* государство, когда главное условие выхода из него — *совершеннолетие* большинства. Посмотрели бы вы, что делается теперь в просыпающемся Париже. Как тесны грани, в которые бьется движенье, и как они никем не построены, а сами выросли, как из земли.

Post scriptum.

Маленькие города, тесные круги страшно портят глазомер. Ежедневно повторяя *с своими одно и то же*, естественно дойдешь до убеждения, что везде говорят одно и то же. Долгое время убеждая в своей силе других... можно убедиться в ней самому — и остаться при этом убеждении... до первого поражения.

Искандер

Bruxelles — Paris. Август 1869

ПОХОРОНЫ В БЕДНОМ КВАРТАЛЕ ПАРИЖА

Рисунок В. Г. Перова, 1863 г.

Третьяковская галерея, Москва

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ

Иконоборцы наши не останавливаются на обыденном отрицании государства и разрушении церкви; их усердие идет до гонения науки. Тут ум оставляет их окончательно.

Робеспьеровской нелепости, что атеизм аристократичен, только и недоставало объявления науки аристократией.

Никто не спрашивает, насколько вообще подобные определения идут или нет к предмету — вообще, весь спор «науки для науки» и науки только как пользы, вопросы, чрезвычайно дурно поставленные.

Без науки *научной* не было бы науки прикладной.

Наука — сила; она раскрывает отношения вещей, их законы и взаимодействия, и ей до употребления нет дела. Если наука в руках правительства и капитала — так, как в их руках войска, суд, управление, то*

* *В рукописи:* . Но

это не ее вина. Механика равно служит для постройки железных дорог и всяких пушек и мониторов.

Нельзя же остановить ум, основываясь на том, что большинство не понимает, а меньшинство злоупотребляет пониманьем.

Дикие призывы к тому, чтоб закрыть книгу, оставить науку — и идти на какой-то бессмысленный бой разрушения, принадлежат к самой неистовой демагогии и к самой вредной. За ним так и следует разнуздание диких страстей—le déchaînement des mauvaises passions. Этими страшными словами мы шутим, нисколько не считая, вредны ⟨ли⟩ они для дела и для слушающих.

Нет, великие перевороты не делаются разнуздыванием дурных страстей. Христианство проповедывалось чистыми и строгими в жизни апостолами и их последователями, аскетами и постниками, людьми, заморившими все страсти—кроме одной. Таковы были гугеноты и реформаторы. Таковы были якобинцы 93-го года. Бойцы за свободу в серьезных поднятиях оружия всегда были святы, как воины Кромвеля — и оттого сильны.

Я не верю в серьезность людей, предпочитающих ломку и грубую силу развитию и сделкам. Проповедь нужна людям, проповедь неустанная, ежеминутная, проповедь, равно обращенная к работнику и хозяину, к земледельцу и мещанину. Апостолы нам нужны прежде авангардных офицеров, прежде саперов разрушенья,— апостолы, проповедующие не только своим, но и противникам.

Проповедь к врагу—великое дело любви: они не виноваты, что живут вне современного потока, какими-то просроченными векселями прежней нравственности. Я их жалею, как больных, как поврежденных, стоящих на краю пропасти с грузом богатств, который их стянет в нее, — им надобно раскрыть глаза, а не вырвать их, — чтоб и они спаслись, если хотят.

Я не только жалею людей, но жалею и вещи, и *иные вещи* больше *иных людей*.

Дико-необузданный взрыв, вынужденный упорством, ничего не пощадит; он за личные лишения отомстит самому безличному достоянию. С капиталом, собранным ростовщиками, погибнет другой капитал, идущий от поколенья в поколенье и от народа народу. Капитал, в котором оседала личность и творчество разных времен, в котором сама собой наслоилась летопись людской жизни и скристаллизовалась история... Разгулявшаяся сила истребления уничтожит вместе с межевыми знаками и те *пределы* сил человеческих, до которых люди достигали во всех направлениях с начала цивилизации.

Довольно христианство и исламизм наломали древнего мира, довольно французская революция наказнила статуй, картин, памятников,— нам не приходится играть в иконоборцев.

Я это так живо чувствовал, стоя с тупою грустью и чуть не со стыдом... перед каким-нибудь кустодом, указывающим на пустую стену, на разбитое изваяние, на выброшенный гроб, повторяя: «Всё это истреблено во время революции»...

Искандер

Bruxelles. Июль 1869

ВАРИАНТЫ

Варианты отдельных мест писем «К старому товарищу», сохранившиеся в рукописи и публикуемые ниже, позволяют в некоторых случаях более полно восстановить ход мысли Герцена. Несомненный интерес имеют те из зачеркнутых кусков текста, порою весьма значительных по объему, которые развивали и уточняли важнейшие положения писем. Таково, например, в вариантах к «письму второму» место о процессе «разумного понимания»; оно, говорит Герцен, «не сходит с неба», «а имеет свой процесс — он может быть ускорен и замедлен»; интересны в вариантах к «третьему письму» слова Герцена о том, что «государство и церковь неминуемо, безотлагательно съеживаются с каждой мыслью, входящей в общее сознание, в общее понимание», идут навстречу своей гибели. Следует отметить в вариантах к тому же «письму» периодизацию истории «всех развитых государств»; слова об отношении к науке в вариантах к «письму четвертому», и т. д.

Пристального внимания заслуживает определение освобождения крестьян как «начала экономического переворота в России» («третье письмо»); характеристика польского восстания как «преждевременного поднятия оружия» (там же); оговорка: «может, за исключением России», сделанная в утверждении, что «во всей Европе подымется за старые порядки сплошь все крестьянское население», и т. п. Варианты проливают свет на некоторые темные выражения в окончательной редакции «писем». Так, в вариантах к «письму первому», во фразе о «несправедливом соподчинении среднего сословия» Герцен после слова «соподчинении» зачеркнул: «дворянству со стороны»; в «письме втором», говоря о «старых, устарелых воспитательных формах», Герцен пояснял: «церковь, государство, суд, семья».

При публикации вариантов мы сохраняем слова и выражения, повторяющиеся в других местах основного текста, поскольку настойчивое обращение Герцена к одной и той же мысли характерно само по себе и представляет самостоятельный исследовательский интерес.

ПИСЬМО ПЕРВОЕ

Страница 159-я

Строка 10: «... сопровождающие его [рождение] [или] развитие, т. е. страдания...».

Строка 11: «...организм [отделывается от] вырабатывается из...».

Строка 15: [«Мне кажется, что] Тяжелые...».

Строка 16: «Ты больше остался [тем], как был...».

Строка 17: «Но если я изменился [заметь, не изменил, а изменился»].

Строки 25—26: « ...но и от внутрен[ней незрелости]них причин».

Строки 28—30. Ранее было: «Большинство, [отделенное пропастью непониманья, не вышло из старого традиционного миросозерцанья. Оно само бьется в нем, ищет, не видит выхода впотьмах и, не находя его, гибнет в неравной борьбе или в несчастных вспышках».

Строка 31: «... coup de tête. [Большинство крестьян отделено бездной непониманья или ложного пониманья».]

Строки 35—36. Ранее было: «Следует ли толчками возмущать творческую тишину внутренней работы, инкубации—беспрерывной, неуловимой—и в настроении работников, и в страхе врагов».

Строка 38: «На это, сверх [упорности] логического самоотвержения...»

Строка 50: «... на сторону [*правых*, на сторону мстителей] баррикад?».

Страница 160-я

Строка 2: «... душой?.. [Не забудь, что] Ни одной...».

Строка 2, после слов органической мысли *в рукописи зачеркнутая вставка:* «[Я полагаю, что] [Работник, отвечавший в Июньские дни на вопрос: что он разумеет под республикой демократической и социальной? — «Правление

работников» — был меньше в неопределенности и ясне⟨е⟩ понимал, что хотел, чем большинство — понимавшее только, чего они не хотели. Неловкими мерами были бы наверное нанесены страшнейшие удары всей производительной деятельности».]

Строка 3: «... не косвенно [и случайно], как...».

Строка 4. После слов к голодной смерти *в рукописи указана вачеркнутая вставка:* «[Органические мысли... вышли не от геройских бойцов... возвестились не с баррикад... Banque du Peuple Прудона, кооперативное движение — в Англии и Германии... едва теперь привились к сознанию и привели к интернациональному работничьему парламенту]».

Строка 5: «[Серое время] *Далее знак, обозначающий вставку, но самой вставки нет.* Наше время—именно время окончательного [развития и] изучения [оно естественно предшествует] работе [оставляя в стороне судорожные попытки, оно ищет знания] того...».

Строки 6—7: «... так, как [знание] теория паров...».

Строки 8—9: «[и] отвагой и шли зря, [и] на авось — [куда дошли, ты знаешь] мы на авось не пойдем».

Строка 10: «[Мы] Ясно видим мы [одно], что...».

Строки 12—13: «...царству феодальному и аристократическому [что те же явления повторяются]».

Строки 13—14: «... обмиранье мира [феодального] средневекового началось с сознания [своего] несправедливого соподчинения [дворянству со стороны] среднего сословия...».

Строка 15: «... переворот [социальный] экономический [начинается] начался сознанием...».

Строка 18: «... тянет сама себя [веревкой на шее] в могилу».

Строка 19: «Но [задача социальная— идет гораздо глубже и гораздо сложнее] общее постановление [ее] [социальной] задачи...».

Строки 21—22: «... развалины, [возродится снова, т. е.] снова...».

Строки 22—23: «... *буржуазный* мир [на иной лад]. Потому что он *внутри* [он даже] *не кончен и потому еще, что* [внутри не кончен] *ни мир...*».

Строка 24: «... чтоб пополниться, [не готовы к]...».

Строка 27: «... чтоб ее [можно] достаточно было вырвать [из жизни] силой...».

Строки 29—30: «... научной сфере, [бессильной сделаться общедоступной. К тому же одно отрицание не чинополагает], они осуждены...».

Строки 36—37: «...пусть [тогда] скажет...».

Строка 39: «... средств [и свою эмбриогению, которую сокращать и ускорять можно, но в известных границах]».

Строка 51: «[Социализм] Экономический переворот имеет...».

Страница 162-я

Строки 1—2: «... мистицизмах, [идеализмах] верованиях и [ничем] неоправданных предрассудках...».

Строки 8—9: «Всё это [известно и] принято...».

Строка 14: «...возмущающие [формулу] элементы...».

Строка 15: «... и [сами] легко вводятся...».

Строка 16: «... размахи, [трение, температура] и пр.».

Строка 24: «... бороться нельзя [пока права разума не признаны или не доступны]».

Строки 28—29: «... твердо покоится [и хранится] на [рабской] *невольной* совести...».

Подстрочное примечание, строка 6: «... позитивизме [деизме и всем юридическом, патриотическом. Вспомни затаенную злобу всех гернгутеров и рациональных пиэтистов либерализма — и их борьбу против материализма, ⟨э⟩гоизма, контова ученья, безбожья, утилитаризма во имя христианской нравственности без евангелия ⟨и⟩ религии по [и] Руссо...] — Жирарден, Луи Блан, Жюль Симон».

Строка 35: «... боремся со всем [естественным] бессознательным...».

Строки 36—37: «... нашей [разумной] цели».

Строка 40: «... персидский царь, [Всё прошлое должно быть] или вечевой колокол...».

Строка 41: «Вообще винить, [судить, казнить] наказывать...».

Строка 42: «... физиологичнее, [и, главное,] [надобно] и...».

Строки 44—45: «... и превратную [оценку] перестановку...».

Строка 45: «... преднамеренный заговор [властей]...».

Строки 45—48. Ранее бы: ло«Ни государство не есть преднамеренный заговор властей и собственников против пролетариев и слабых, ни церковь не имела сперва-начала в виду кретинизировать массы, ни замкнутые семьи с своим многоголовым [полип⟨овым?⟩] эгоизмом наследственной собственности не воры [злодейские вершенья], а всё это, напротив, [всё это] формы воспитательные, воспитавшие [развившие] людей до более широких [современных] потребностей. [Себяопределения и воли]. [Толковать о преступном, сгонять]. Обрушивать ответственность за былое [коварство] и современное...».

Страница 163-я

Строки 4—5: «... не якобинцы; [Но] мы и еще хуже — потому что мы [и их] за себя не имеем [и] якобинского оправдания — наивной веры [что они делали дело] в свою правоту...».

Строка 6: «Мы [не можем без измены своему разумению осуждать] изменяем [собственным свои⟨м⟩] основным началам...».

Строка 9: «... в сумерках [постоянно делали непоследовательности], сбивались...».

Строка 11: «... разных вер [разных] и геройств...».

Строка 13: «... кроме *пониманья и силы*, [истины] знанья—и средств».

Строки 14—15: «Но [разум] пониманье страшно обязывает. Он⟨о⟩ [не наказывает; изменяющий разуму] имеет свои неотступные угрызения [совести] разума...».

Строки 19—20: «... на добровольную бедность [странное Captatio benevolentiae] страшной картиной...».

Строки 21—26. Ранее было: «Не то надобно доказать непроизводительной части общества, обладающей собственностью и капиталом, что это грешно и безнравственно — понятия, взятые из совсем иного миросозерцания, чем наше, а то, что [оно] [это] [современная монополь их вредна и обличенная] *нелепость* его [нуждающаяся в огромных контрфорсах, чтоб не рухнуть], чем более эта нелепость [будет] придет [больше и больше приходит, в силу чего она] в сознанье понимающего работника, обиженного ею, тем она сделается невозможнее [и невозможнее], означая не неправду греха стяжания, а то, что борьба против неотвратимого — только истощение сил...».

Строка 33: «[Социализм] Новый водворяющийся порядок...».

Строка 36: «... судьбу [и причем] всё не мешающее...».

Строки 37—38: «... смыслом [миру] перевороту, который из всего былого и нажитого [выработанного и развитого] сделает [одну] скучную мастерскую...».

Строка 42: «... что у него в [духе] potenzialità...».

Строки 46—47: «... и то на минуты [минутная] горячки и катаклизма. [И нельзя] И кто же ска[зать]жет...».

ПИСЬМО ВТОРОЕ

Страница 164-я

Строка 2. Ранее было: «Характер международных работничьих съездов становится серьезнее и серьезнее [очень серьезен]. Это ассизы...».

Строки 3—4: «... получают больше и больше [характер обсуживающий] организующий склад, [что] их члены...».

Строка 7: «Серьезный характер [этот] их поразил [их] врагов».

Строки 20—21: «[К тому же] Угроза при бессилии вредна. [Бессильный] Подавленный взрыв [может] [должен] двинет назад. [Часто раздающиеся призывы к открытому бою — и еще больше угрозы без боя] [взрывов и угроз — вовсе не настало, а я их встречаю]. Досуг...».

Строки 23—24: «... для своей обороны прежде, чем [мы получим организацию] противный...».

Строки 25—26: «...торопить их рост. [Правота без силы только в „Суде божием" давала право на победу, и истина, переданная без пониманья,— не истина для того, кому передана, а догмат, катехизис. У нас же нет ни материальной силы, ни общеразвитого пониманья.] [Разумное] [Пониманье не сходит с неба в виде дара, а имеет свой процесс — он может быть ускорен и замедлен, но безнаказанно миновать его нельзя]. Тот, кто не хочет ждать [пониманья] и работать [а делать]...».

Строки 26—27: «... иересиархов, [и] фанатиков [патриотизма или чего-нибудь другого] и цеховых революционеров. [Неужели для нас эти пути не должны быть засыпаны решительно? Вне пониманья и разума только авторитет и увлеченье — конечно, и им можно идти и далеко идти, но тогда, по крайней мере, надобно большую силу [и пуще всего силу неразум⟨ную⟩], а ее-то у нас вовсе нет, она у нас [она] впереди, пожалуй неразумную, но большую. Где же она у нас?.

Не надобно только сверх того забывать, что] А всякое дело...».

Строки 29—30: «... будет иметь [представителей безумья] и безумные результаты рядом с [представителями своего или впереди] дельными».

Строки 30—32. Ранее было: «Без здравого пониманья мы не можем шагу сделать, [Мне сдается, что] пути темного фанатизма и исступления — не] [наши пути] [засыпаны для нас]».

Строки 31—32: «... оружие. [Церковные] Теократические и политические догматы не требуют [настоящего] пониманья...».

Строки 33—34: «... анализа. [Бога] Папу надобно [любить] считать...».

Строка 35: «...предписания [верить] [Какой тут разбор]».

Строки 40—41: «... *свободы в разуме.* [Но разумное понимание не сходит с неба, как святой дух, а имеет свой [фа ⟨?⟩] [эмбриологию] процесс. Я восстаю против насильственного питания абортивов [так] — как восстаю против угроз и апатического бездействия]. [Если люди от нетерпенья будут втеснять массам (не насилием, разумеется, а авторитетом и увлеченьем) свой катехизис, для того, чтоб скорее придти в столкновение — [это не облегчит] это будет путь, ужасно бурный и судорожный]. Всякие попытки...».

Строка 43: «[Об этом я хочу сказать несколько слов] Обойти процесс...».

Строки 49—51. Ранее было: «... скорее сделает из оглушенного пустого репетитора, фразера или освирепелого консерватора».

Страница 165-я

Строка 2: «... шагом [русского] разных реформирующих [правительств] властей».

Строки 3—4: «... всякому процессу [и в особенности процессу] разуменья. Математика [преподается] передается...».

Строки 7—8: «... есть практические облегчения, [между ними есть] компромиссы...».

Строка 8: «Понять [из дела великого] которые...».

Строка 9: «... дело [иногда местного] практического такта...».

Строки 13—14: «... соединения их [сил, всевозможные кооперации настоятельное требование], их органы...».

Строки 15—17: «...*управлении собственностью,* [они] должны становиться [тем] вольным парламентом четвертого состояния, [тем указателем властям предержащим и в то же время] вырабатывать...».

Строки 18—19: «... космологий. [Но для выполнения этой ликвидации государства надобно иметь общественную среду и притом сильную числом и средствами —

сильную пониманьем. До сих пор противогосударственные перевороты делались с примесью мистического безумия — и, всякий раз, делали только посягательство... не выдерживавшее государственного отпора. Таково было христианство, анабаптистство. Стремленье анабаптистов было инстинктивно верно — но не было ясно [ни] для них, ни понятно другим]. [Все] Формы...».

Строка 23: «... и другие, [и в самой свободной и цивилизованной стране] можно убить организм...».

Строка 24: «... отпрянуть [от тебя и побить каменьями]. Всего...».

Строка 27: «Во всей Европе [может, за исключением России] подымется...».

Строки 31—32: «... по неразумью и невежеству [но разве неразумье и невежество [не страшнейшие силы] лечат таким геройским путем]... но в этом-то вся важность. [Шуточное дело... неразумье, невежество] [Да] На [них-то и] неразумье и невежестве...».

Строки 33—35: «... устарелые воспитательные формы [церковь, государство, суд, семья], в которых люди вырастали [вон] из несовершеннолетия и которые жмут теперь [но к которым мы привыкли, а] меньшинство...».

Строки 35—36: «... не понимает [соответствуют и удовлетворяют]. Мы знаем...».

Строки 36—37: «Всеобщая подача голосов, [данная] навязанная...».

Строка 39: «Но если понятия государства, [церкви так] суда сильны [еще] и крепки, то [что сказать] еще крепче...».

Строки 40—41: «Отрицание собственности [голословное и отвлеченное [гуловое] само по себе] — само по себе бессмыслица [но и]...».

Строки 43—44: «... в *коллективную*, [нисколько не понятно] неясно [вовсе не ясны] и неопределенно».

Строка 46: «[Ни] Нелепого [ни мудреного] тут ничего нет».

Страница 166-я

Строка 6: «... любви избирательной или [естественной] кровной...».

Строка 8: «... *ко всем*? [т. е. во имя двух метафизических романтизмов [свихнувшихся голов], которых пора сдать в архив] [всем французским революционерам старого толка]».

Строка 11: «[Скажите кр⟨естьянину?⟩] Отними у [народа] самого бедного мужика...».

Строка 12: «... своих, [кровных] свою семью...».

Строка 13: «... станет за попа, квартального и [помещика] чиновника...».

Строка 19: «... водворение [силы] нового порядка...».

Строка 25: «... [Или] Не начать ли...».

ТРЕТЬЕ ПИСЬМО

На обороте л. 19 рукописи имеется следующая запись Герцена: «С ними с первыми надобно вступить в бой — хуже и вреднее дураков нет — как умники». *Трудно сказать, к какому месту статьи относится эта запись.*

Страница 168-я

Строки 3—4: «... и против [всего, что] чего я...».

Строка 5: «Мозг стареет, может быть, [берет свое pli — и я очень помню] и я беру...».

Строки 7—19: Половина цитаты из статьи-письма Огарева в сноске переписана рукой Герцена; вторая половина представляет собой часть рукописи самого Огарева подклеенную Герценом, причем начало письма, которое Герцен цитировал выше, написанное рукой Огарева, находится на обороте (см. публикацию «Новые материалы к истории текста писем „К старому товарищу“»).

Строка 22: «...вообще возражения [ваши застрельщики стараются наложить embargo на слово (несмотря на то, что никто ни с кем не согласен)] нетерпеливым людям...».

Строки 24—25: «...может пройти? [Заклятые] Враги наши никогда не [разделяли] отделяли...».

Строки 27—28: «... уступят [любому авангардному делу] по влиянию...».

Строка 29: «[Дикий развод] Расчленение...».

Строки 29—30: «... не вынесет критики [это ясно], но имеет печальный смысл, как [торжественное] признание...».

Строка 33 : «... [вооружен] силен *на дело*...».

Строка 34: «... в исторической *попутности* [и в Слове]...».

Строки 34—35: «... только сильны [словом] проповедью...».

Строка 37: «[— Так как же это все и] — Стало быть, остается...».

Строка 38: «... довольствуясь [говором] прекрасными речами?».

Строка 40: «... в рукопашную, [— пока это можно миновать и] пока нет...».

Строка 41: «Быть правым в бою [дает мало корысти] немного значит...».

На обороте л. 20 рукописи имеется следующая запись Герцена: «[И как же ликовали успокоившиеся. Даже у нас, у которых не тот социализм и не так поставлен вопрос — мудрецы нашего журналиста ⟨?⟩ — со смехом указывали на нас, как на староверов и отсталых в нашей вере в экономический переворот]».

Страница 169-я

Строка 1: «[Разве] [Пять лет тому назад мы не видели, что значит преждевременное поднятие оружия?] Чем кончилось...».

Строки 4—5. Ранее было: «Тут наши горячие ул⟨ь⟩тра прибегают к турецкому фатализму, к принижению личности и делают себя — из смирения — слепыми орудиями судеб, в которые не верят».

Строка 8: «Напротив, они-то и [пути очень] изменяются...]».

Строка 13: «... орудием судеб, [богородицей] бичом...».

Строка 14: «... наивную [детскую] веру...».

Строка 15: «... непочатое [девственность] [детскость] младенчество мысли».

Строка 19: «То, что [они] мыслящие люди...».

Строки 26—27. Ранее было: «И не странно ли, что многострадальные массы, с своей македонской фалангой работников, знающих на практике, какова тяжесть буржуазного Атласа, [помещенного] покоящегося на их груди, на их спине, что не они кричат: «Конец слову, закроем книгу, теперь не до аристократической науки, не до схоластики прений, теперь до расправы?» Совсем напротив, они жаждут слова, жаждут науки...».

Строка 29: «[Ультра]. И заметьте...».

Строка 34: «...исторического поля, [теряя из вида] не догадываясь...»

Строка 45: «... держится за [свой] удручающий его быт...».

Строка 46: «... вколочен; [потому что он в них видит] он верит...».

Строки 50—51: «...ризы [и]. Пугачев, [человек не книги, а народа] для низложения...»

Строка 53: «... и Чернышевыми [из освобожденных колодников]».

Страница 170-я

Строка 5: «[Вспомни вековое гонение] Иудеев гнали века...».

Строка 8: «... в наружной [гражданской] жизни...».

Строки 9—10: «... что народам [гораздо] легче...».

Строки 11—12: «... свободы. [Но границ внутреннему освобождению нет, и греки превосходно говорили, „что *мудрому* закон не нужен, что его разум — закон". Ну так и будем же сосредоточивать силы на то, чтоб самих себя и других делать этими мудрыми.

Ты, верно, помнишь сказку Бальзака об ослиной шкуре, которая съеживалась при каждом желании,— так и государство и церковь неминуемо, безотлагательно съеживаются с каждой мыслью, входящей в общее сознание, в общее понимание, — но их еще довольно остается — заставим же эти ослиные шкуры исполнять наши желания до тех пор, пока они исчезнут.] В сущности, все формы...».

Строки 17—18: «...проходит всякое [развивающееся] человеческое [сознание] сожитие...».

Строка 18: «... постоянно изменяется [как Протей— сходными, но неодинаковыми фазами —]».

Строка 22: «... выход из [дикого] животного однообразия...».

Строки 22—23: «... раздел труда. [Сделав свое дело — сословность распускается, и никакое государство не в состоянии спасти ее — и само невольно перерождается в демократическое, если не хочет гибнуть.

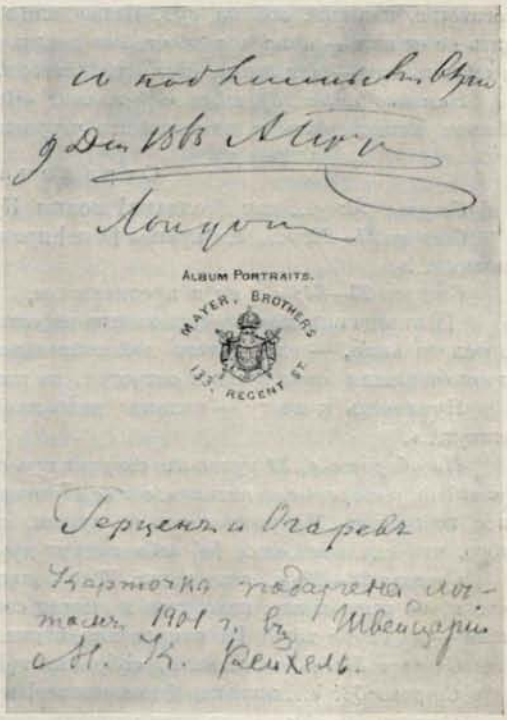
Все развитые государства проходили больше или меньше периодами завоевательными, патриотическими, олигархическими и буржуазными — везде приходили к периодам протестантизма — религиозного и политического — к представительству и самодержавию собственности. В свой период восходящий или воплощающийся принцип в государ] представляет *высшую правду* своего времени»].

Строки 26—27: «... войны; [когда он пережит] потом он делается *ложью* и, наконец, [одним] воспоминанием... Государство [так тягуче, что оно прилаживается ко всему, выносит всё,—оно] не имеет...».

Строка 29: «... это [локомотив,] сочетание колес около общей оси; [которое] их удобно...».

Строки 33—37. Ранее было: «... крестьян, то есть начало экономического переворота в России принадлежит самодержавному царю. Оно еще и нам сослужит службу— и не одну, как того ждал Лассаль. Для чего же проповедывать сломку мельницы, думалось ему, когда ее жернова могут помолоть и нашу муку? Не лучше ли завладеть ею?».

Строка 38: «... я не вижу [зачем ломать, как приложить к делу] разумной применимости...».



ОГАРЕВ И ГЕРЦЕН

Фотография с надписью Герцена М. К. Рейхель: «С подлинным верно. 9 дек. 1860. А. Герцен. Лондон»

Исторический музей, Москва

Строка 43: «... *преходящая*, [никак] не следует...».

Строка 45: «... как [ненужная кора или] лишняя перевязка...».

Строка 48: «...опыт». [Ни Швейцария, ни Бел⟨ь⟩гия не могут пользоваться своими весьма недальними учреждениями — задавленные соседними монархиями и войсками — что же будет с кучкой общин, управляющихся поволостно?..]».

Строки 52—53: «И что значит *отрицать* государство [в практике], когда главное условие...».

Страница 171-я

Строки 1—3: «Post scriptum. [Перечитываю] [Дописываю это письмо в Париже, и именно под влиянием того, что я здесь видел, [что видел я] навело меня на следующую очень не новую мысль, которую я все же повторю] [прибавляю следующие строки] Маленькие города, [маленькие центры,] тесные круги страшно портят глазомер. [В своем кружке] Ежедневно [говоря] повторяя *с своими* [и говоря] *одно и то же*, [можно] естественно...».

Строки 4—5: «... в своей силе других, [для ободрения] можно...».

Строка 8: [Бр⟨юссель—⟩] [Париж].

На обороте л. 31 рукописи Герценом перечеркнуто следующее начало записи: «Нет, caro mio, нет, сколько я ни ломаю головы, я не могу принять того воззрения, к которому ты в особенности теперь примкнул.

Отвлеченная правда их».

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ

Строка 10: «... не останавливаются на [разбитии] обыденном отрицании...».

Строка 13: «[К] Робеспьеровской нелепости...».

Строка 17: «... вопросы, чрезвычайно [пустые] дурно...»

На обороте л. 32 рукописи имеется следующая запись: «Так как в их руках всё— богатство, машины, войско, суд. Наше дело вырвать ее из вражьих руках ⟨!⟩, освободить ее от них — а не в том, чтоб ее давить за услуги им. Нельзя же остановить ум и сказать ему — дальше не исследуй, погоди, пока мы освободимся».

Немного ниже, другими чернилами: «Человечество выше Неватона. [Желудок] Мешок пищеварения в политически устроенном за...»,

Страница 172-я

Строка 16: «... как [солдаты] воины Кромвеля...».

Строки 21—22: «... нам нужны [а не] прежде авангардных офицеров, [и не] прежде саперов...».

Строки 23—24: «... но и противникам.

[Никогда никакое преследование не останавливало проповеди. Тот, кто боится преследования, — слово того действительно *не в самом деле*. Раскольники наши проповедывали свои ереси в острогах, на каторге, под розгами...]

Проповедь к врагу — великое дело любви: [разве] они не виноваты [тем], что живут...».

На обороте л. 34 рукописи сохранилась следующая запись Герцена, относящаяся, очевидно, к «третьему письму», где ее вариант был им зачеркнут: «Греки радикальнее нас говорили: „Мудрому закон не нужен, его разум — закон". Ну так и начнем с того, что сделаем „сами [и] себя и друг друга мудрыми"».

Строки 28—29: «...если хотят. [Тем больше хочется мне сказать им [именно] это— что я, не имея к ним ненависти и скорее сожаление, которое имеется к поврежденным — да сверх того] [Я откровенно и смело признаюсь, что]».

Строка 34: «С капиталом, собранным [по копейке] ростовщиками...».

Строка 38: «... знаками [помеченные] и те *пределы*...».

Строки 39—40: «... во всех направлениях [практической деятельности] с начала цивилизации».

Строки 42—43: «... нам не приходится играть в [Генсерихи и Аларихи] иконоборцев».

Строки 45—46: «... на [сломан] разбитое изваяние...».

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ К ИСТОРИИ ТЕКСТА ПИСЕМ «К СТАРОМУ ТОВАРИЩУ»

СТАТЬЯ ГЕРЦЕНА «МЕЖДУ СТАРИЧКАМИ»

В переписке Герцена, относящейся к началу 1869 г., неоднократно встречаются упоминания о написанной им большой статье, направленной против Бакунина и озаглавленной «Между старичками».

31 января 1869 г. Герцен сообщал сыну: «Я написал длинное, дельное и едкое письмо к Бакун⟨ину⟩ для печати в „Поляр⟨ной⟩ звезде" под заглавием „Между старичками"; он не назван, но узнáют все» (XXI, 279).

В марте 1869 г. статья «Между старичками» была отправлена Огареву в Женеву. «Посылаю тебе статью по поводу Бак⟨унина⟩,— писал Герцен 11 марта.— Прочти ее со вниманием. Она может напечататься в „Пол⟨ярной⟩ зв⟨езде⟩", если таковая будет, или совсем не печататься. Но мое мнение о деле таково» (XXI, 320).

Герцен настойчиво стремился продолжить и заострить полемику с Бакуниным. 17 марта он писал Огареву: «Я ничего не имею против того, чтоб он ⟨т. е. Бакунин.— *В. П.* и *Я. Ч.*⟩ прочел, не теряя (у меня нет черновой). Готов и печатать» (XXI, 328). В письме же от 24 марта Герцен решительно заявляет: «Смысл моей статьи против Бакун⟨ина⟩ прост. Мне хотелось бы⟨...⟩вытянуть от него определение, *в чем* его идеал?» (XXI, 332—333). Очевидно, «вытянуть определение» нужно было Герцену для того, чтобы подвергнуть его всесторонней критике.

Огарев прочел статью Герцена в тот же день, когда она была ему доставлена, и на следующий день перечитал еще раз. «В ней чрезвычайно много хорошего; но и с ней я не могу (пока) согласиться, как и с неопределенностью Бакунина»,— писал Огарев Герцену 15 марта («Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 534). «...Она меня слишком серьезно занимает»,—признавался он в письме от 23 марта (там же, стр. 537). Около 27 марта статью взял прочесть Бакунин, а 1 апреля она вновь вернулась к Огареву (там же, стр. 541 и 545). «...О твоей статье,— писал Огарев Герцену 3 апреля — в другой раз ⟨...⟩ да и Бак⟨унин⟩ еще не высказался» (там же, стр. 546).

Герцен, между тем, продолжал обдумывать, нельзя ли опубликовать статью. Как видно из его письма к Огареву от 2 мая 1869 г., он предполагал, получив замечания Огарева, послать статью в Россию — в «Неделю», где под псевдонимом «И. Нионский» печатались тогда очерки «Скуки ради» (XXI, 374). Но намерения своего Герцен не осуществил. Когда он, повидавшись с Огаревым в Женеве (10—16 мая 1869 г.), обсудил с ним статью, планы его изменились, и статья «Между старичками» осталась неопубликованной.

Согласно прочно установившейся традиции, исследователи до сих пор принимали за статью «Между старичками» первые два письма Герцена из цикла «К старому товарищу», датированные 15 и 25 января 1869 г. Идентичность текста статьи «Между старичками» и первых двух писем цикла «К старому товарищу» предполагал, как само собою разумеющийся факт, и Лемке (см. XXI, 275, 320). Поэтому полемические замечания о статье «Между старичками», содержащиеся в огаревском «Первом ответе старому другу», были произвольно отнесены Лемке (XXI, 451—453) и другими публикаторами («Лит. наследство», т. 39-40, стр. 342—345) к письмам «К старому товарищу». Исследователей не остановило при этом даже то обстоятельство, что приводимые Огаревым цитаты из статьи «Между старичками» отнюдь не совпадали с текстом писем «К старому товарищу». Сохранившийся в «пражской коллекции» список начальных страниц статьи «Между старичками»—список, сделанный рукою Натальи Александровны Герцен,—проясняет вопрос. Эпиграф к статье—из письма Бентама — вписан в этом документе рукою самого Герцена; таким образом, копию «пражской коллекции» следует рассматривать как авторизованную рукопись Герцена.

Хотя статья Герцена «Между старичками» до сих пор, за исключением двух отрывков, публикуемых ниже, *остается неизвестной*, можно считать установленным, что текст ее отнюдь не совпадал полностью с текстом первых

двух писем «К старому товарищу». Следовательно, замечания Огарева на статью Герцена относили к «письмам» по ошибке. Правда, цитируемые Огаревым места отсутствуют и в сохранившемся начальном отрывке статьи «Между старичками». Но слова Огарева: «... позволь мне, оставляя в стороне *всех литературных мулов*, обратиться именно к тем пунктам в твоей статье, которых я не могу принять за непогрешительность, т. е. за истину» («Лит. наследство», т. 39-40, стр. 342; курсив наш. —*В. П.* и *Я. Ч.*) — только теперь становятся понятными. Вот что писал Герцен в первой же фразе статьи «Между старичками»: «... ты говоришь, что я, некогда шедший вперед, указывавший путь другим, осматриваюсь в тумане и *напоминаю тебе мула Миньоны*, медленно переступающего с ноги на ногу в мгле итальянских ущелий». И далее: «Действительно, я не перестал, несмотря на седые волосы, любить ни песни Миньоны, *ни тихой поступи мулов* с их бубенчиками и красными шнурками...» (курсив наш.— *В. П.* и *Я. Ч.*).

Список статьи «Между старичками» был, очевидно, сделан Натальей Александровной в Ницце.

Легко объяснить, почему в копии статьи отсутствовал эпиграф из Бентама: письмо Бентама к Александру I (от июня 1815 г.) было напечатано в апрельской книжке «Вестника Европы» за 1869 г. в статье А. Пыпина «Русские отношения Бентама» (стр. 762), а статья Герцена создавалась в январе 1869 г. Таким образом, ясно, что Герцен вписал эпиграф значительно позднее. (Заметим, что об апрельской книжке «Вестника Европы» Герцену еще 18 апреля 1869 г. писал Огарев, добавляя, что самого журнала у него «еще нет».— «Лит. наследство», т. 39-40, стр. 552.)

17 мая Герцен на десять дней покинул Женеву и уехал в Aix-les-Bains. По всей вероятности, именно в это время Герцен, находившийся под впечатлением полемики с Огаревым, продолжал работу над статьей «Между старичками», причем *в новой рукописи были сохранены первоначальные даты статьи* «Между старичками» «Ницца. 15 января 1869» и «Nizza. 25 января 1869». Тогда же Герцен написал свое «третье письмо» в первоначальной, неизвестной редакции (сохранившийся отрывок этой редакции печатается ниже); оно было направлено, как можно полагать, главным образом, против только что вышедшей (около 10 мая) брошюры Бакунина «Постановка революционного вопроса» — брошюры, распространявшейся Нечаевым в России во время так называемой «агитационной кампании» 1869 г. Такова вторая стадия работы Герцена над циклом.

Вернувшись 26 мая в Женеву, Герцен ознакомился с новыми статьями-письмами Огарева, продолжившего полемику в своем «Втором ответе старому другу» и в ответе на вновь написанное герценовское «третье письмо» — ответе, озаглавленном «Третья статья». Замечания Огарева по поводу «третьего письма» Герцена представляли собой возражения, изложенные в форме семи тезисов, в которых косвенно защищалась тактика нечаевской «агитационной кампании» и были подвергнуты острой критике взгляды Герцена. В это же время Огарев, отстаивая необходимость продолжения «агитационной кампании», добился согласия Герцена не печатать материалов дискуссии полностью, так как их обнародование могло повредить кампании.

Когда Герцен уезжал около 28 июня из Женевы в Брюссель, Огарев вырезал из своей рукописи «Первый ответ старому другу» полтора листка и передал их Герцену. Текст, содержавшийся на этих полутора листках, Герцен включил в виде двух цитат в новую редакцию «третьего письма». При этом первая цитата («Человеку очень мудрено...») была переписана Герценом, а для второй, в сноске («Каждый отдельный мозг...»), он воспользовался вырезкой, вклеив ее в соответствующее место своей рукописи. Новая редакция «третьего письма», написанного в июле — августе 1869 г., была обращена уже не только к Бакунину, но и к Огареву: «Нет, *любезные друзья*, мозг мой отказывается понимать многое из того, что вам кажется ясным...» (курсив наш.— *В. П.* и *Я. Ч.*).

В августе 1869 г. в Брюсселе Герцен читал А. П. Пятковскому первые три письма «К старому товарищу». Пятковский в своих воспоминаниях свидетельствует, что «письма к Бакунину» «уже лежали готовыми в рукописи» (А. Пятковский. Две встречи с А. И. Герценом.— «Наблюдатель», 1900, № 3, стр. 238). Тогда же или

ШАРМАНЩИЦА НА БУЛЬВАРЕ В ПАРИЖЕ
Рисунок В. Г. Перова, 1863 г.
Третьяковская галерея Москва

несколько раньше было написано «письмо четвертое» (рукопись его датирована июлем 1869 г.), и цикл писем был заключен. В «пражской коллекции» сохранился герценовский автограф первого абзаца «письма четвертого», который несколько отличается от начальных строк письма в окончательном тексте. Эта первоначальная рукописная редакция публикуется ниже.

Герцен продолжал смотреть на свои письма как на статьи для печати. Еще 30 июня, по дороге из Женевы в Брюссель, он писал Огареву из Страсбурга: «Я, может, напечатаю где-нибудь в Брюсселе наших часть препинаний (по части социализма, может, формы следует изменить)» (XXI, 402). Через два с половиной месяца, в письме к Огареву от 18 сентября, Герцен писал о цикле статей против Бакунина: «...ужасно жалею, что они не были напечатаны» (XXI, 487). А. П. Пятковский в цитировавшихся выше воспоминаниях рассказывает о своих переговорах с Некрасовым по поводу того, нельзя ли напечатать письма «К старому товарищу» в «Отечественных записках» («Наблюдатель», 1900, № 3, стр. 250). В условиях царской цензуры эти переговоры, разумеется, ни к чему не привели и привести не могли.

Изучение вопросов, связанных со статьей Герцена «Между старичками» и историей текста писем «К старому товарищу», приводит к следующим весьма важным выводам:

1) доказано, что выступление Герцена против Бакунина в 1869 г. началось со статьи «Между старичками», явившейся первоначальной редакцией первых двух писем «К старому товарищу»; 2) установлено, таким образом, что даты, проставленные на рукописи двух первых писем «К старому товарищу», не соответствуют действительности; 3) доказано существование не дошедшей до нас, кроме четырех абзацев, статьи Герцена под названием «Третье письмо», которая являлась продолжением статьи «Между старичками» и была первоначальной редакцией «третьего письма» цикла «К старому товарищу»; 4) установлено, наконец, что для работы Герцена над окончательным текстом писем «К старому товарищу» большое значение имели ответы Огарева на статью «Между старичками» — цикл писем, адресованных «старому другу», т. е. Герцену (см. ниже вступительную заметку к этому циклу).

‹ДВА ОТРЫВКА ИЗ СТАТЬИ ГЕРЦЕНА «МЕЖДУ СТАРИЧКАМИ» (ПЕРВОНАЧАЛЬНАЯ РЕДАКЦИЯ ПЕРВЫХ ДВУХ ПИСЕМ ИЗ ЦИКЛА «К СТАРОМУ ТОВАРИЩУ»). ЯНВАРЬ 1869 г.›

МЕЖДУ СТАРИЧКАМИ

«Одни мотивы, как бы они ни были достаточны, не могут быть действительны без достаточных средств».
Иер‹емия› Бентам,
в письме к Алекс‹андру› I.

1

Ты жалеешь меня, старый приятель, жалеешь о моих раздумьях, о моих остановках, тебя оскорбляет недостаток деятельности, ты говоришь, что я, некогда шедший вперед, указывавший путь другим, осматриваюсь в тумане и напоминаю тебе мула Миньоны, медленно переступающего с ноги на ногу в мгле итальянских ущелий —

Das Maultier sucht im Nebel seinen Weg*.

Ты меня взял за чувствительную струну и как Иван Васильевич «разодел и разукрасил» прутья, которыми хотел стянуть меня, чтоб, при всей строгости, и я не остался не взысканным твоей милостью. Действительно, я не перестал, несмотря на седые волосы, любить ни песни Миньоны, ни тихой поступи мулов с их бубенчиками и красными шнурками, ни теплые итальянские горы под паром вечерней или утренней зари.

Но за что же ты набросил какую-то тень на мула? Туман не в его органе зрения, как в куриной слепоте, *а на самом деле*, и если мул вопреки ему ищет свою дорогу и не торопится зря, то просто потому, чтобы не упасть в пропасть вместе с ношей или не сбиться с пути.

Что же касается** дурного — если б и люди, вместо того, чтобы идти, потому что ходить хочется, искали бы прежде торную дорогу в тумане общих понятий и избившихся слов? А то можно вообразить себе, что идешь, работая ногами на одном месте, как векша, или царапать землю, как крот — благо, лапы чешутся. Жаль, что Гёте не прибавил крота к мулу.

Der Maulwurf kratzt und sucht sich keinen Weg ***

Я нынешним летом с час стоял у медвежьей ямы в Берне и смотрел, как медвежонок — этот крот огромного роста — копал яму. Он рыл с видимым сознанием всей важности дела... рьяно, усердно... вокруг бегали другие больше суетные медвежаты, заигрывали с ним, он ворчал, огрызался и как бы нехотя иной раз отрывался от работы и, быстро обежав кругом столба, снова принимался с яростью копать, отдувался, фыркал, обтирал глаза лапой и неустанно старался.

Может, эта циклопическая работа иной раз необходима, я и не говорю, что она дурна, только признаю себя плохим циклопом. К тому же есть случаи, в которых она положительно вредна, выражая очень понятное, но все же чисто личное нетерпенье, — под предлогом или, вернее, под самообольщением общей цели.

Я иногда откровенно завидовал людям, браво идущим вперед, не выходя к перебору начал, не обращая вниманья ни на другой грунт, ни на перемену среды, ни на ряды событий, хотя многие из них заступали в импасы****, в которых они тонули дальше и дальше, боясь приостановиться из чувства

---

* Мул ищет в тумане свой путь (нем.— Из «Вильгельма Мейстера» Гёте).

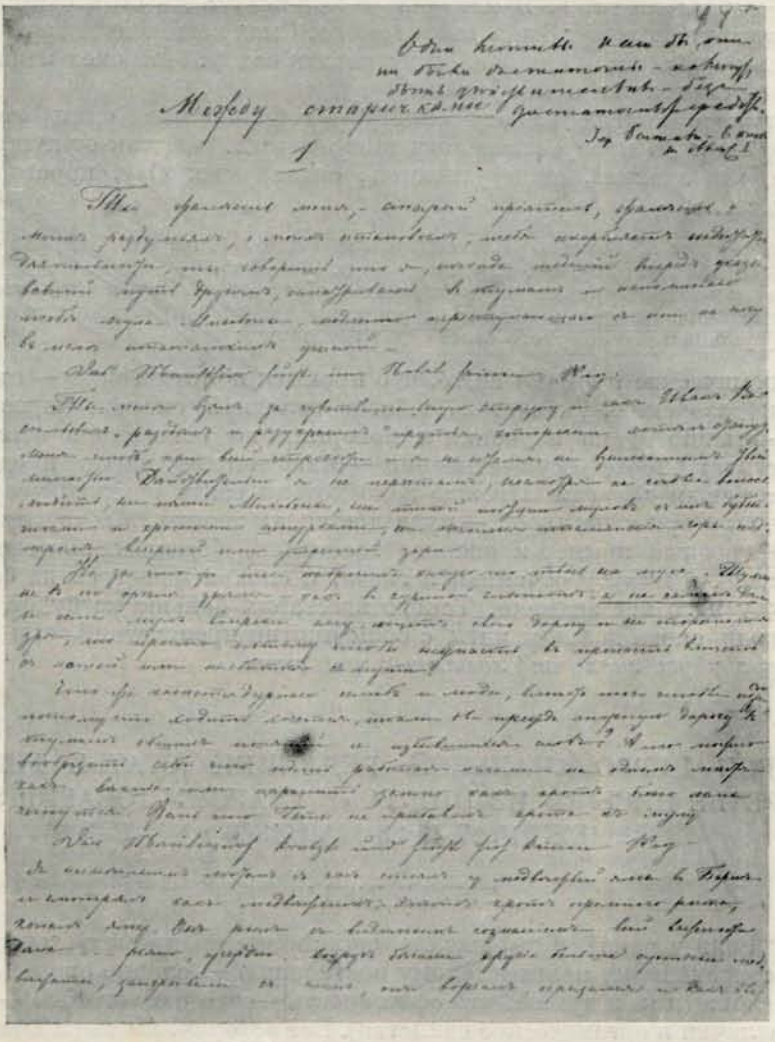
** *Так в копии. Вероятно, ошибка Н. А. Герцен, прочитавшей* касается *вместо* кажется.

*** Крот царапает и не ищет никакого пути (нем.).

**** тупики (франц. «impasses»).

чести и ложного стыда, желая держаться, во что бы ни стало, на краю всех крайностей.

Трудно сознаться человеку, что он сошел с дороги — оттого ли, что обстоятельства дали в сторону, или что он сделал свое, но для меня



«МЕЖДУ СТАРИЧКАМИ»

Список, сделанный рукою Н. А. Герцен (дочери), 1869 г.

Эпиграф — рукою Герцена

Лист 1

Центральный государственный архив Октябрьской революции, Москва

решительно невозможно продолжать при таком сомнении. Самолюбие это или робость, доверье к своему чутью или недоверье к своим силам, но во мне оно так.

Мне всегда мешало раздумье, мы об этом спорили с тобой тридцать лет тому назад. Тут дело в личностях, в характерах, в pli * целой жизни.

---

* привычке (франц.).

Одни складываются с молодых лет в попы, проповедующие с катехизисом, веры или отрицанья, в руках,— они призывают себе на помощь все средства и все силы, даже силу чудес, для вящего торжества своей идеи. Другие этого не могут — для них голая, худая, горькая истина дороже декорации — для них ризы, облачения, драматическая часть дела смешны, а *смех* — ужасная вещь. Я никогда не мог поступить ни в какую масонскую или другую ложу, боясь своего смеха. Смех мешал мне важно переговаривать о пустяках и священнодействовать вздор. Мой смех мешал даже другим — сердил их и конфузил.

«Положите палец на эту облату,— говорил мне один аторней*, и повторяйте: „В присутствии бога и королевы...“» Я так от души расхохотался, что адвокат, сконфузившись, сказал мне: «Ну, просто, подпишите здесь...».

Список — рукой Натальи Александровны Герцен (дочери). Эпиграф — рукою Герцена. ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 20, л. 44—44 об.

На этом рукопись «пражской коллекции» обрывается. Источником текста следующего отрывка из статьи «Между старичками» является цитата, приводимая Огаревым в рукописи его «Первого ответа старому другу»:

Экономические промахи не то, что́ промахи политические — они ведут прямо к разорению, к застою, т. е. к голодной смерти. Серое время наше — именно время изучения и поверки; оно совершенно естественно предшествует работе осуществления — как теория паров предшествовала железным дорогам. Прежде дело хотели взять грудью, усердием и отвагой, шли зря и на авось — куда дошли, ты знаешь. Мы видели своими глазами грозный пример кровавого восстания, бессмысленно сошедшего на площадь, в минуту отчаянья и гнева, и спохватившегося на баррикадах, что у него нет знамени. Такого восстания больше не будет, и если новые люди снова должны идти с боем против препятствий, они пойдут *зная, куда идут, зная, что́ ломают и что́ сеют.*

ЛБ. Г.—О. VI. 40.

⟨ОТРЫВОК ПЕРВОНАЧАЛЬНОЙ РЕДАКЦИИ СТАТЬИ ГЕРЦЕНА «ТРЕТЬЕ ПИСЬМО» ИЗ ЦИКЛА «К СТАРОМУ ТОВАРИЩУ». МЕЖДУ 17 И 26 МАЯ 1869 г.⟩

ТРЕТЬЕ ПИСЬМО

(2)** Взяв у меня*** выражение «экономический промах», ты его относишь к современному политическому построению — словно оно по ошибке было сословным (а я думаю, что сословность — это расчленение — выход из безразличия в органическое единство). Всё исторически выработавшееся обстоятельствами, толчками и переворотами — Naturprodukt.

Называть продукты истории, хотя бы они и устарели, политическими (или иными) промахами — то же, что считать лягушку зоологическим промахом ****.

Ты говоришь, что если теория паров предшествовала железным дорогам, то что пары были до теории. Стало, ты полагаешь, что современный государственный быт был политический *без экономических* оснований. Это противно тому, что ты сказал, и самой действительности: если б не было

---

* поверенный, адвокат (англ. «attorney»).

** *Цифра в скобках написана карандашом на полях. Текст на половине листка. Верх оторван. На линии отрыва следы не поддающейся прочтению строки текста.*

*** *Далее зачеркнуто:* слово

**** *Далее зачеркнуто:* Далее. Продолжая схоластику, различения

УЛИЦА РИВОЛИ В ПАРИЖЕ
На этой улице находилась последняя квартира Герцена, в которой он поселился в конце 1869 г. и где он умер
Автолитография Ф. Бенуа, 1860-е гг.
Литературный музей, Москва

неразвитых, дурно развитых, изуродованных экономических отношений, то не было бы и желания выпутаться из них и дойти до разумных.

⟨На этом полулист кончается. На обороте его находится следующий обрывок текста:⟩.

нии. А то является полнейший хаос и деспотизм. Все возможные и существующие свободы — в пренебрежении, национальные движения отринуты. Бельгийские, женевские работники глядят с улыбкой на завоевание Франции.

Автограф. ЛБ. Г.— О. II. 11. — Лемке (XXI, 451 и 593) ошибочно принял настоящий текст за реплику Герцена по поводу первого выступления Огарева и механически присоединил его к тексту действительной реплики, находящейся на огаревской рукописи «Первый ответ старому другу».

⟨ОТРЫВОК ПЕРВОНАЧАЛЬНОЙ РЕДАКЦИИ СТАТЬИ ГЕРЦЕНА «ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ» ИЗ ЦИКЛА «К СТАРОМУ ТОВАРИЩУ». ЛЕТО 1869 г.⟩

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ

В своем озлоблении против существующего наши иконоборцы — и ты с ними (или они за тобой) — не останавливаются на государстве и церкви, на ограничении права собственности или отрицании его— они объявляют войну против науки, личности и семьи...

Автограф. ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 20, л. 46.

ОТВЕТЫ ОГАРЕВА «СТАРОМУ ДРУГУ»

Предпринятая Герценом в 1869 г. в статье «Между старичками» (затем в цикле писем «К старому товарищу») критика анархистско-авантюристической тактики Бакунина не могла ограничиться обсуждением одних только тактических вопросов. Как тактика, так и многие программные положения, выдвигавшиеся Бакуниным, причиняли огромный вред делу революции. Поэтому Герцен предполагал подвергнуть рассмотрению целый комплекс коренных вопросов революционного движения и социализма, в том числе и теоретические проблемы. В этом обсуждении самое активное участие принял и Огарев. Первоначально, а именно с середины марта 1869 г., его участие в дискуссии ограничивалось рамками обычной переписки с Герценом; на последующей стадии оно стало гораздо более интенсивным. Огарев написал три специальные статьи — тоже своего рода цикл писем, адресованных «старому другу», т. е. Герцену. При этом первая и третья статьи включали прямые полемические обращения к Бакунину.

Рукописи «ответов» Огарева сохранились не полностью. Впервые они были опубликованы в 1941 г., в т. 39-40 «Лит. наследства». Однако текст оказался напечатанным не совсем исправно и неполно. Это обстоятельство вместе с назревшей потребностью собрать в одном месте всю группу источников, относящихся к письмам «К старому товарищу», обусловили необходимость опубликовать заново, по подлинникам, дошедший до нас текст «ответов» Огарева.

Когда же были написаны «ответы» Огарева и как развивалось обсуждение главнейших вопросов, поднятых в ходе дискуссии?

Получив в середине марта 1869 г. в Женеве текст рукописи «Между старичками», Огарев тотчас написал Герцену, находившемуся тогда в Ницце: «Главное, я одно тебе замечу, что вооруженное восстание ⟨необходимость и неизбежность его.— *В. П.* и *Я. Ч.*⟩ обусловливается существующим войском, которое до сделки никогда не допустит. Едва ли ты в этом найдешь что-нибудь unpraktisch *. Тут ничего теоретического нет, а история-то с этой дороги сойти не может» («Лит. наследство», т. 39-40, стр. 534). Герцен, получив письмо Огарева, отвечал: «Ты прав насчет замечания о войске, помешающем сделке—но где же сила против войска? Опять в пропаганде, учении и экономическом устройстве коммунного труда» (XXI, 328).

Как было сформулировано Герценом в статье «Между старичками» то место, которое вызвало замечание Огарева, мы не знаем — эта часть рукописи не сохранилась или остается неразысканной. Но в окончательной редакции «письма первого» из цикла «К старому товарищу» Герцен писал: «Новый водворяющийся порядок ⟨социализм.— *В. П.* и *Я. Ч.*⟩ должен являться не только мечом рубящим, но и силой хранительной...» (см. выше). Таким образом, неизбежность вмешательства в ход истории революционного насилия — «меча рубящего» — отнюдь не отрицалась Герценом. Спор шел об условиях и сроках, при которых вооруженное восстание дало бы с точки зрения основных задач борьбы за социализм положительные результаты. Что же касается идеи «сделки», то она в окончательной редакции — в «письме втором» цикла «К старому товарищу» — выражена следующим образом:

«Международный союз ⟨пролетариата — Интернационал.— *В. П.* и *Я. Ч.*⟩ может вырасти в Авентинскую гору à l'intérieur — отступая на нее, мир рабочих, сплоченный между собой, покинет мир, пользующийся без работы, на свою доходную непроизводительность... и он, отлученный, nolens-volens пойдет на сделки. А не пойдет — тем хуже для него, он сам себя поставит *вне закона* — и тогда гибель его отсрочится только настолько, насколько у нового мира нет сил. А пока их нет — надобно в тиши собирать полки́ и не грозить. Угроза при бессилии вредна. Подавленный взрыв двинет назад» (наст. том, стр. 164).

Таким образом, допуская при известных условиях возможность «сделки», Герцен, по существу, не согласился с критикой Огарева, содержавшейся в письме от 15 марта 1869 г. (XXI, 328).

---

* непрактическое (нем.).

7 апреля 1869 г. Огарев после беседы с Бакуниным, которому он, по поручению Герцена, дал прочесть статью «Между старичками», сообщил Герцену следующее: «Бак⟨унин⟩ к тебе ныне относится очень дружески, но о статье твоей, напротив, говорит, что она несправедлива, просит не печатать и хочет отвечать на рукопись, но просит дать время пройти работничьим смутам, ибо в самом деле у него не может быть возможного времени...» («Лит. наследство», т. 39-40, стр. 547).

Строки эти, свидетельствующие, по своему тону, что Огарев склонен был взять на себя неблагодарную роль «буфера», писались в тот момент, когда в Женеве уже дня два находился Нечаев. Тотчас после приезда (4—5 апреля 1869 г.) Нечаев познакомился с Огаревым и Бакуниным и начал свою деятельность с рассылки из Женевы по России своей отпечатанной уже к тому времени, в типографии Чернецкого прокламации к студентам-технологам. В те же дни Нечаев поднял все основные вопросы, побудившие его приехать в Женеву, в том числе вопрос о бахметьевском фонде и о том, чтобы привлечь к участию в начавшемся в России студенческом движении представителей революционной эмиграции во главе со «старичками» — Герценом, Бакуниным и Огаревым. Вопросы, поднятые Нечаевым, в высшей степени обострили разногласия тактического характера.

Возникшие почти тотчас же (12—13 апреля) разногласия между Герценом и Огаревым по поводу огаревских прокламаций («От стариков к молодым друзьям» и «Наша повесть») заставили Огарева отложить свое намерение написать связный и подробный разбор статьи «Между старичками». Осуществил свое намерение Огарев лишь после приезда Герцена в Женеву из Ниццы, т. е. после 10 мая 1869 г.

Приезд Герцена в Женеву был вызван существенными причинами. Он считал необходимым прежде всего урегулировать недоразумения, возникшие между ним и Огаревым, затем локализовать вредные последствия сближения Огарева с Бакуниным. Герцен находил, что Огареву вновь угрожала опасность подпасть под влияние «беспардонного» бунтаря, как это случилось лет семь назад, во время подготовки восстания 1862—1863 гг. Наконец, Герцену надо было повидать Нечаева, чего настойчиво добивался Огарев. Но в самый момент приезда Герцена произошло событие, коренным образом изменившее все предположения и планы. Около 10 мая была отпечатана в типографии Чернецкого брошюра Бакунина «Постановка революционного вопроса» (см. «Русская подпольная и зарубежная печать», т. I, М., 1935, стр. 172). Ничего более вредного, безудержно-анархического и авантюристического Бакунин в ходе «агитационной кампании» Нечаева не написал. Брошюра, призывавшая, в частности, использовать разбойничий мир для возбуждения, организации и подготовки народного восстания, вызвала страстное негодование Герцена. Он решил немедленно вскрыть весь тот вред, который приносила развитию революционного движения в России бакунинская демагогия. На следующий день после приезда — это было 11 мая, ознакомившись с брошюрой Бакунина, Герцен писал Н. А. Тучковой-Огаревой: «Все недоразумения ⟨с Огаревым.—*В. П.* и *Я.Ч.*⟩ *окончились в полчаса*. С Бак⟨униным⟩ будет труднее,— он совсем закусил удила, и я привезу его новую статью, которая наделает страшных бед. Я буду протестовать и снимаю всякую солидарность ⟨...⟩ Баку⟨нин⟩ хотел ⟨...⟩ пустить такую дрожь на всю Россию, что там за университетом закроют типографии ⟨...⟩ Вещь эта произведет бездну беды ⟨...⟩ О сущности я и не говорю. Разумеется, я совершенно не согласен. Вообще этим оружием я не бьюсь ⟨...⟩» (XXI, 377—378).

Огарев также отрицательно отнесся к этой брошюре, хотя он и не был в своей критике столь последовательным, как Герцен. В это время, между 10 и 17 мая, он писал свой «первый ответ» другу и включил в него специальную главку, посвященную резкой полемике с Бакуниным. С точки зрения Герцена это был очень важный факт. Герцен не требовал от Огарева отказа от участия в «агитационной кампании» 1869—1870 гг., что было бы логическим следствием его теоретической позиции в этот период, а стремился употребить все свое влияние на Огарева, чтобы отстранить, ограничить влияние на него Бакунина. Герцен предоставлял Огареву возможность самому, на собственном опыте, убедиться в принципиальной ошибочности избранного пути. Герцен знал, что корни политиче-

ской линии Огарева в 1869—1870 гг. уходят далеко вглубь — к 1862 и 1863 гг., когда Огарев, предвидя возможную неудачу восстания в России и в Польше, намечал новый срок революционного переворота, именно — на 1869—1870 гг. Герцен надеялся, что в самом ходе «агитационной кампании» Огарев убедится в неправильности сделанного им расчета движущих сил революции и тогда расторгнет свой временный союз с Бакуниным и Нечаевым.

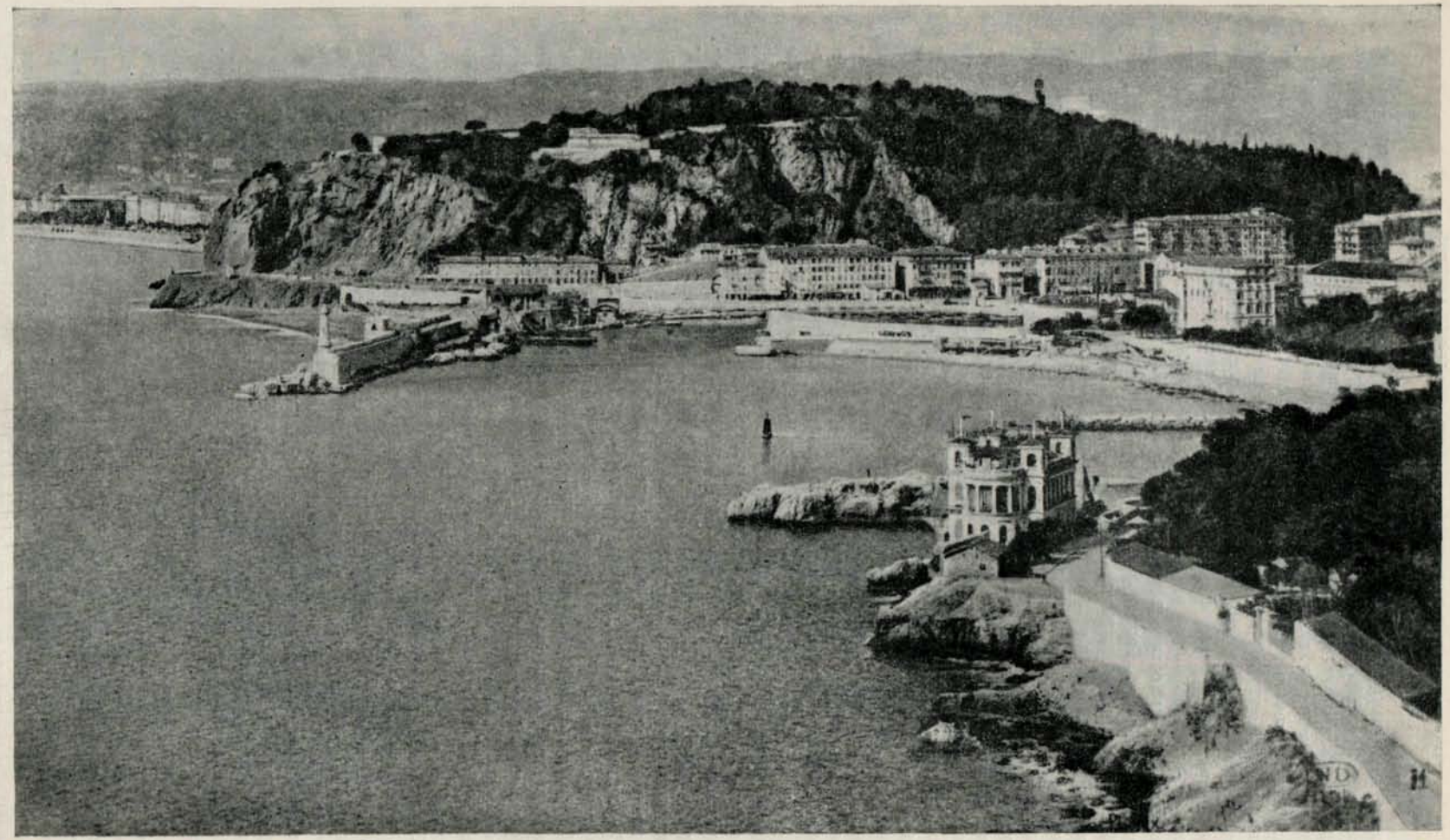
Огарев, продолжая спор с Герценом в том же «ответе», в который он включил главу против Бакунина, настойчиво развивает идею вооруженного восстания, идею революции, имеющей целью смести политическое господство меньшинства и расчистить дорогу для «нового экономического построения», т. е. для социализма. «Требуется прежде всего,— пишет Огарев,— разрушение существующего политического построения: иначе экономическое основание политического (т. е. общественного) построения не может иметь места». Огаревская критика в «первом ответе» помогла Герцену продумать и найти точку зрения на сочетание экономического ряда развития с рядом политическим, на сочетание «постепенных» и «толчковых» рядов развития. В ходе дискуссии с Огаревым Герцен укрепился в своем понимании глубокой связи, которая существует между «толчковыми», т. е. революционными, моментами развития и «постепенным» экономическим развитием.

От рукописи «первого ответа» Огарев, как мы уже упоминали, отрезал первые полтора листка и передал их Герцену. Текст, написанный на этих отрезанных полутора листках, Герцен включил, в виде двух цитат, в окончательную редакцию «третьего письма». Первую цитату («Человеку очень мудрено втолковать...») Герцен переписал своей рукой, а вторую, в сноске («Каждый отдельный мозг...»), включил путем подклейки в свою рукопись вырезки из автографа Огарева. Сопоставив вырезку из «первого ответа» с основной частью рукописи Огарева (ЛБ. Г.— О. VI. 40, лл. 3—4), мы убедились, что отрезанные листки содержат начало «первого ответа». Текст его нам удалось восстановить почти целиком.

«Второй ответ» Огарева начинается с повторения эпиграфа из Бентама, вставленного Герценом в текст статьи «Между старичками» после 10 мая (см. об этом выше). Мы полагаем, что «второй ответ» был написан Огаревым после 17 мая, то есть во время отсутствия Герцена, уехавшего на десять дней из Женевы. Он был либо подготовлен Огаревым ко времени вторичного приезда Герцена, т. е. к 26 мая, либо закончен вскоре после его приезда, т. е. в конце мая. «Второй ответ» содержит следующую цитату из статьи «Между старичками»: «Следует ли толчками возмущать творческую тишину внутренней работы, инкубации, беспрерывной, неуловимой?». Приведя эту цитату, Огарев замечает: «Я не вижу в историческом ходе рода людского этой беспрерывной, неуловимой инкубации. История шла гораздо больше борьбой и прыжками, чем творческой тишиной внутренней работы». Герцен, прочитав возражения Огарева, подчеркнул в его рукописи слово «беспрерывной» и написал против этого места: «Я не говорил о беспрерывности, а говорю о теперешней минуте». Несмотря на то, что Герцен, казалось бы, отклонил аргумент Огарева, в окончательный текст «письма первого» он процитированные Огаревым слова не включил. Герцен так сформулировал эту мысль в окончательном тексте: «Следует ли толчками возмущать с целью ускорения внутреннюю работу, которая очевидна? Сомнения нет, что акушер должен ускорять, облегчать, устранять препятствия...» и т. д. (см. выше).

Ясно, что Герцен принял во внимание самую существенную сторону возражения Огарева.

Наиболее интересным для анализа дискуссии о статье «Между старичками» является «третий ответ» («третья статья») Огарева. Этот текст мог быть написан Огаревым только после возвращения Герцена в Женеву, т. е. после 26 мая, и до окончательного отъезда Герцена из Женевы в Брюссель —28 июня. Отвечая на не дошедшую до нас первоначальную редакцию «третьего письма», «третья статья» Огарева дает возможность судить о содержании тезисов, защищавшихся Герценом, так как в этой статье Огарев отвечает на тезисы Герцена. Сохранившийся клочок первоначальной редакции «третьего письма» Герцена, публикуемый выше, подтверждает сказанное. Находящийся на этом клочке тезис Герцена обозначен им цифрой — «(2)».



НИЦЦА

Вид Ниццы на открытом письме, адресованном Н. А. Герцен (дочерью) М. К. Лемке 2 декабря 1912 г. На обороте надпись: «Посылаю вам вид Ниццы и скалы, на которой кладбище наше. Точка обозначает место, где стоит памятник папаши»

Центральный государственный архив Октябрьской революции, Москва

В ответе Огарева его возражение на этот тезис помечено точно так же — «(2)», что позволяет рассматривать и другие возражения Огарева, помеченные цифрами от «(1)» до «(7)» как соответствующие семи тезисам Герцена.

Эти возражения Огарева возвращают нас к важному моменту спора — к соотношению между экономическим и политическим рядами развития. В окончательной редакции писем «К старому товарищу» Герцен изменил формулировку мысли об «экономических промахах», совершавшихся всеми прежними революциями; тут он говорит о «промахах», как, с одной стороны, о выражении незрелости экономической мысли различных революционеров предшествующего периода, с другой — как об экономической необоснованности и неподготовленности революционных «попыток», «вызовов на революцию» и т. д. Герцен писал в окончательной редакции «письма первого»: «Ни одной построяющей, органической мысли мы не находим в их завете ⟨у мелкобуржуазных революционеров 1848 г. и у Бакунина.—*В. П.* и *Я. Ч.*⟩, а экономические промахи не *косвенно*, как политические, а *прямо и глубже* ведут к разорению, к застою, к голодной смерти». Из подчеркнутых нами слов, вставленных Герценом в новую редакцию, ясно, что Герцен принял возражения Огарева в той их части, в которой Огарев обращал его внимание на необходимость рассматривать экономические и политические «промахи» в их единстве и связи, а не в противопоставлении. Но Герцен не принял и не мог принять другой части возражений Огарева, демонстрировавших глубокую ошибочность воззрений Огарева по этому вопросу. Огарев перенес понятие «экономический промах» на все развитие «сословности», т. е., по терминологии спорящих, классового строения общества, и на господство буржуазного меньшинства. Огарев, следовательно, всю историю буржуазного общества сводил к «патологии», «ошибке», «промаху» и рассматривал капитализм как результат «ошибок» предшествующего периода. Другими словами, Огарев находился в плену исторического идеализма, в плену мелкобуржуазной (крестьянской) критики капитализма — субъективной, непоследовательной и половинчатой, в то время как Герцен, обладавший исключительно трезвым и ясным чувством реальности, приближался к объективной, исторической критике капитализма, данной в гениальной системе взглядов Маркса. Но, вместе с тем, нет сомнения, что именно спор с Огаревым помог Герцену додумать свои догадки и привести к единству свои взгляды.

В результате спора с Огаревым было завершено Герценом второе письмо «К старому товарищу», посвященное противопоставлению пролетарских форм и методов борьбы с капитализмом методам мелкобуржуазного «революционного» вспышкопускательства, выражающего лишь отчаяние мелкого буржуа. Отвергнув одну и приняв другую часть возражений Огарева, Герцен сумел подойти почти вплотную к «суровой, непреклонной, непобедимой классовой борьбе пролетариата», переход к которой «от иллюзий „надклассового" буржуазного демократизма» он, по определению Ленина, совершал (В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 11).

Заслуживает быть особо отмеченным, что и Огарев, участвуя после смерти Герцена в подготовке писем «К старому товарищу» к печати (его предисловие к «Сборнику посмертных статей», помечено: «Сентябрь 1870 г.»), не счел необходимым ознакомить с их текстом Бакунина. Бакунин, узнав о выходе «Сборника», писал в Женеву Огареву и другим (в недатированном письме от начала 1871 г.): «А пришлите мне посмертную, недавно напечатанную книгу Герцена. Непременно пришли. Он, говорят, много толкует и, разумеется, с фальшивою недоброжелательностью, кисло-сладкою симпатиею обо мне. Надо же мне прочесть, а пожалуй, и ответить» («Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву». Женева, 1896, стр. 324). Из приведенных строк ясно, что ни Герцен, ни Огарев не показывали Бакунину рукописи последней редакции писем «К старому товарищу». Нам удалось обнаружить черновик ответа Огарева на цитированное письмо Бакунина. «После твоего письма, — писал Огарев 23 февраля 1871 г., — я перечел еще раз герценские письма „К старому товарищу" (1869 г.). Обидного в них для тебя ничего нет, правды в них много, но согласиться с ними целиком я не могу. Книгу пошлем тебе не сегодня-завтра. Ты в письмах, кроме струнки позитивизма, никакой обиды не найдешь. Отвечать буду я сам», — заключает Огарев, отводя намерение Бакунина вступить в посмертную полемику с Герценом (ЛБ. Г.—О. VII. 5, тетрадь № 35, л, 2).

⟨РЕКОНСТРУКЦИЯ «ПЕРВОГО ОТВЕТА» ОГАРЕВА НА СТАТЬЮ ГЕРЦЕНА «МЕЖДУ СТАРИЧКАМИ» И НА БРОШЮРУ БАКУНИНА «ПОСТАНОВКА РЕВОЛЮЦИОННОГО ВОПРОСА». 10 — 17 МАЯ 1869 г.⟩

1

Вообще человеку очень мудрено* втолковать что-нибудь, о чем этот человек думает иначе. Тут, действительно, физиологический процесс, о котором столько говорят об⟨щими⟩ местами — и которого никто не хочет принять в расчет, как скоро дело доходит до дела. Мозг ничего не вырабатывает произвольно, а всегда вырабатывает результат соотношения принятых им впечатлений. Следственно, если впечатления у одного разнятся от впечатлений у другого на какой-нибудь дифференциал, то дальнейшее развитие соотношения впеча⟨тлений⟩ и результата, из них выводимого, т. е. постановка ⟨и⟩ дальн⟨ейшее⟩ развитие уравнения (которое есть единственная форма мозговых действий), может разойтись у одного от другого на расстояние, невозможное к совпадению.

В этом вся мудрость доказательства, доходящая почти до тщетных усилий.

Каждый отдельный мозг, вследствие нарощения в себе своих впечатлений, встречает от них уклоняющиеся новые впечатления — или вовсе мимоходно, или не с достодолжной емкостью, или совсем отрицательно (т. е. враждебно). Отсюда каждый человек убежден или предубежден, что он прав, что́ положительно не может быть доказано, даже в таких абстрактных специальностях, как математические построения (теория Тихо де Браге так же была построена на математических построениях, как и теория Галилея); и потому действительное признание истины требует новых мозгов, не увлеченных предыдущими впечатлениями. На этом даже зиждется знаменитое историческое развитие, или прогресс ⟨...⟩ ** случаев (не лишенных своего особенного объяснения) — тут нечего заподозревать друг друга (на манер преимущественно русских, но также и иных писателей) в преднамеренности, в фальши, в предательстве и т. д.— я не приступлю здесь ни к какому развитию этого вступления, потому что, по моему предположенью, эта записка должна быть чрезвычайно коротка, — и потому приступлю прямо к делу.

2

Прежде всего обращусь к тебе, Герцен, как к моему не только первому, но единственному другу и к твоей статье «Между старичками», которой ты меня попрекаешь, что я ее нашел *замечательной*, а в сущности *** с ней не согласен. Я и теперь, по прошествии **** времени, достаточного для того, чтоб человек мог одуматься, я и теперь нахожу ее *замечательной*, но это нисколько не обязывает меня соглашаться с тобой или с Бак⟨унины⟩м. Мало ли что на свете замечательного, что остается вне того направления, которое вырабатывается в моем мозгу. Поэтому позволь мне,

---

* *Далее зачеркнуто:* доказать

** *Здесь обрывается рукопись Огарева, вклеенная Герценом в автографический текст третьего письма «К старому товарищу» (см. выше); в ней отрезано еще несколько строк текста — начало последнего абзаца главки 1-й. — Остальная (бо́льшая) часть рукописи Огарева (от слова* случаев *до конца) находится в ЛБ. Г.—О.VI. 40, причем первые два абзаца — до слов* за непогрешительность, т. е. за истину *зачеркнуты карандашом.*

*** *Далее зачеркнуто:* будто

**** *Далее зачеркнуто:* небольшого

оставляя в стороне всех литературных мулов, обратиться именно к тем пунктам в твоей статье, которых я не могу принять за непогрешительность, т. е. за истину. Ты говоришь:

«Экономические промахи не то, что промахи политические — они ведут прямо к разорению, к застою, т. е. к голодной смерти. Серое время наше — именно время изучения и поверки; оно совершенно естественно предшествует работе осуществления — как теория паров предшествовала железным дорогам. Прежде дело хотели взять грудью, усердием и отвагой, шли зря и на авось — куда дошли, ты знаешь. Мы видели своими глазами грозный пример кровавого восстания, бессмысленно сошедшего на площадь, в минуту отчаянья и гнева и спохватившегося на баррикадах, что у него нет знамени. Такого восстания больше не будет, и если новые люди снова должны идти с боем против препятствий, они пойдут, *зная, куда идут, зная, что̀ ломают и что̀ сеют*».

Что ты называешь *экономическими* и что *политическими* промахами — я этого здесь в смысл не могу взять. Когда это *политические* промахи не вели к *экономическому* разоренью? Такого примера ты в целой истории не отыщешь — возьми какое время хочешь: наполеоновские ли неудавшиеся войны, глупая ли оппозиция Англии против освобождения Северной Америки, избрание ли диктатора в Риме, междоусобия ли славянских князей и пр. и пр. — всё вело к остановке экономического развития и к экономическому разорению — разница промахов может быть только квантитативна, т. е. разорение было побольше или поменьше, смотря по общественному значению политического промаха.

Где же, наконец, эта граница между политическим и экономическим промахом? Община пренебрегла запасами для посева * — следствие: голод; тут промах экономический. Община пренебрегла выбором своих старост и десятских — все работы стали от дурного заведывания, дурного распределения труда и материала — опять голод; тут промах политический.

Как же в вопросе экономического построения общества, который включает в себя все интересы хозяйственные и все отношения общественной жизни, как же тут разграничить экономическую и политическую задачу, которые неизбежно одна в другую переливаются и которых разделение немыслимо? Нельзя же для разрешения реальной общественной задачи брать основание, которое только вертится на неопределенных словах.

Наконец, чтоб окончить эту маленькую (но, в сущности, очень великую) тему — что такое теперь *политическое* построение? Это сословное построение, т. е. совершенный экономический промах. Что такое теперь *экономическое* построение? Это — идеал будущего, это народное, бессословное построение. Где же ты тут найдешь реальную, т. е. разумную, границу между этими двумя задачами? Они нераздельны**. Только для постановки экономического дела надо, чтоб *это* политическое построение сошло с места и оставило жизнь вырабатывать политическое построение новое, экономическому делу сообразное. Ты же *** становишься на точку зрения Сен-Симона, Овена, Фурье ****, которые требуют теории и потом ее осуществления, наподобие тому, как теория паров предшествовала железным дорогам.

Ты забываешь, что теории паров предшествует их существование, точно так же как действительному общественному экономическому отношению, т. е. политическому экономическому отношению, должна предшествовать

---

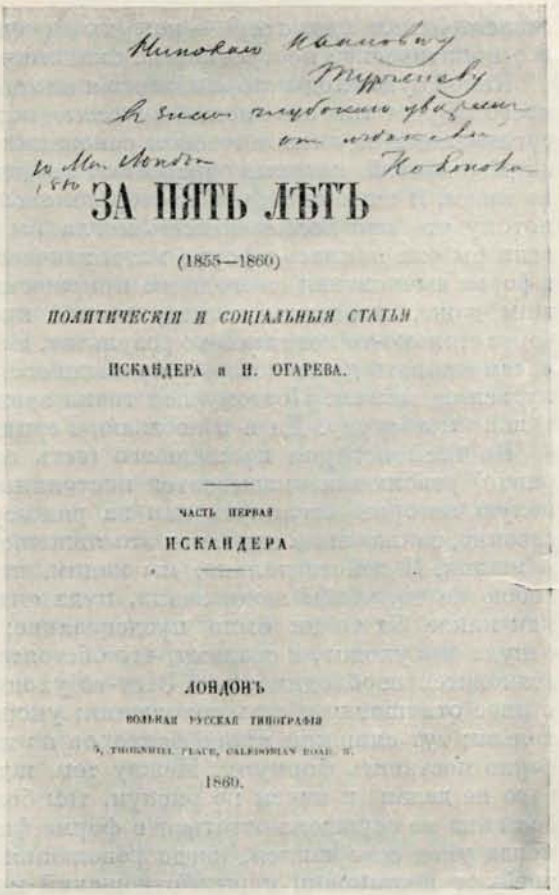
* *Переделано из:* забыла запасы семян
** *Надписано над зачеркнутым:* скорее слиты
*** *Далее зачеркнуто:* больше всего
**** *Далее зачеркнуто:* и пр.

СБОРНИК «ЗА ПЯТЬ ЛЕТ»

На титульном листе дарственная надпись: «Николаю Ивановичу Тургеневу в знак глубокого уважения от издателей „Колокола". 20 мая 1860 г. Лондон»

Автограф Герцена

Литературный музей, Москва



Николаю Ивановичу Тургеневу в знак глубокого уважения от издателей Колокола

20 Мая Лондон 1860

ЗА ПЯТЬ ЛѢТЪ

(1855—1860)

ПОЛИТИЧЕСКІЯ И СОЦІАЛЬНЫЯ СТАТЬИ

ИСКАНДЕРА и Н. ОГАРЕВА.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ИСКАНДЕРА

ЛОНДОНЪ

ВОЛЬНАЯ РУССКАЯ ТИПОГРАФІЯ

5, THORNHILL PLACE, CALEDONIAN ROAD, N.

1860.

возможность существования экономического отношения. Заметь, что пары и общественное отношение — дело немножко специально различное. Поэтому, когда факт не существует, т. е. экономическое построение общества, то извлекать из него теорию и прилагать ее к новому политическому построению общества нельзя *.

Требуется, прежде всего, разрушение существующего политического построения: иначе экономическое основание политического (т. е. общественного) построения не может иметь места. Заметь также, что то, что мы страшно неопределенно привыкли называть *социальным* ** и преклоняться перед названием, — оно-то и есть политическое построение на экономическом основании. Заключение ясно: прежде разрушения старого политического построения ***, основанного на сословности (т. е. на

* *Этот абзац от слов:* Ты забываешь...— *надписан над густо зачеркнутым, трудно читаемым текстом:* По-моему, caro mio, это и называется говорить — о том, чего не понимаешь. Во-первых, все теории пропадали, потому что были дело сочиненное, а не результат факта. Следственно, тут становится вопрос, что идет вперед — факт или теория? Вопрос, кажется, разрешается довольно просто: теория, хотя бы и самоуточненная, не может быть применима, когда она не есть результат действительных потребностей той среды, куда она метила примениться. А если может, — другого рода дело. Не говорю, что это очень мудрено узнать, но главное тут не в том, что в некоторых данных можно ошибиться, но можно ошибиться в совершенно другом — это в том, насколько факт можно поставить как факт, а не как простое брожение фантазии. Об этом мы и поговорим.

** *Вплотную возле слова рукою Герцена знак N3.*

*** *Надписано над зачеркнутым:* основания

экономическом промахе * — как ты очень хорошо выразился **), новое политическое построение на экономическом основании невозможно.

Какой будет ход истории, этого я не знаю да едва ли кто и знает больше моего. Будет ли это *постепенность*, которая приведет к политической организации на экономическом основании через 5000 лет, или революция за революцией, которые обработают это дело лет в 200, — этого мы ничего не знаем. Я знаю одно, что со стороны *оной постепенности* я стать не могу, потому что *эта постепенность* могла бы быть в самом деле чем-нибудь, если бы она явилась в форме математического (арифметического) расчета, в форме вычисления ежегодного приращения некоторых развитий — положим даже, порядком геометрической прогрессии, которое должно дать через столько-то лет такой-то результат. Но мы по такой методе еще не умеем рассматривать даже истории прошедшего, а уже истории будущего и коснуться не можем. Поэтому вся точка зрения постепенности приводит нас только к абсурду. Да я и не знаю, Герцен, когда ты был ее сторонник?

Во всей истории прошедшего (есть постепенность или нет ее — всё равно) революция оказывается постоянным явлением, так что можно на целую историю взглянуть как на ряд неудавшихся революций***. Следственно, заключение одно, что это явление имеет свою causa sufficiens **** в жизни. И действительно, мы видим, что обычно революция выражает собою не то, чтобы люди знали, куда они идут; это так же невозможно, как какое бы то ни было предсказание; но люди положительно знают, откуда они уходят, и сознают, что обстоятельства сложились так, что уход становится необходимостью. Этот-то уход от прежнего, от существующего в иное отношение и есть революция; укорять ее тем, что она не удалась, нельзя; тут слишком много факторов по плюсу и по минусу, чтобы сразу верно поставить формулу. Между тем, ждать осуществления теории, ничего не делая и ничем не рискуя, тем больше нельзя, что самая теория, если она не осуждена остаться в форме фантазии, может только явиться, когда уход совершился, когда революция совершилась, и обстоятельства требуют постановки новых отношений между людьми, на новом основании, но на этот раз возможных уже не в форме фантазии, а в форме результата совершившихся обстоятельств.

Я думаю, далее теперь распространяться нечего. Мы расходимся немного, Герцен: вся разница, что ты требуешь выжидания осуществления идеала; а я требую результата совершившихся ***** движений.

3 ******

Теперь обращусь к тебе, Бакунин, чувствуя, что расхожусь с тобою совершенно противоположным образом.

Ты в «Постановке революционного вопроса» хочешь навязать народу движения, которых нет, движения, которые являются как ******* частные уходы от бед и преследований, и от этого и в прежней России не удались, что не могли никогда дойти до ношения в себе общего дела, общего вопроса,

---

* *Рукою Герцена:* Нет, сословность не промах, а возраст. Первые зубы — не промах, а выпасть должны.

** *Надписано над зачеркнутым:* назвал

*** *Воспроизводим черновик этих строк:* Во всей истории прошедшего [революция] (есть постепенность или нет ее—все равно) революция—оказывается [является как] постоянным явлением [следственно в жизни она имеет свою causa sufficiens] так что можно на целую историю взглянуть как на ряд неудавшихся революций.

**** достаточную причину (лат.).

***** *Далее вписано карандашом и вновь зачеркнуто:* или совершающихся

****** *В рукописи ошибочно:* 2.

******* *Слова:* являются как — *вписаны карандашом.*

общей переделки. Также не могут удаться и в современной России. Удаться могут только движения, которые пойдут не в лес, а на сельские площади, которые будут знать, чего требуют, которые даже если и пострадают, то зная за что. Времена кочевья, разбоя и т. д. проходят. Если в России требуются переселения, то они не выражают ни кочевья, ни разбоя; они требуют осуществления новой народной свободы и нового экономического построения *. Кочевье осталось в Азии как форма степной жизни; разбой остался в России как частный случай. Чего же ты хочешь от подобных форм? Они вне народных требований.

Ты говоришь: «мы, разумеется, стоим за народ». Кто это *мы*? Прежде всего надо, чтобы народ нас признал за своих.

Народ не требует разбоя. Это неправда. Правда тут только, что народ покровительствует преследованным. Народ требует права переселений, которое действительный результат его экономических понятий и большее их расширение. Право переселения постановляет не частную поземельную собственность и продажу земель (что́ до сих пор утверждало правительство), но постановляет общественную поземельную собственность и меновую единицу поземельного владения. (На сию минуту эту тему развивать некогда, через неделю или две подготовлю.) Были бы силы, я охотно пошел бы с мужиками на переселение куда бы то ни было, но не на основании братства, которое мне уже надоело своей неосуществимостью в христианском мире, а на основании переустройства поземельного владения, которое гнездится в русском понимании, потому что так земля сложилась.

На чем же мы сойдемся, мои старички? Если уже ни на чем нельзя, то на том, чтоб оставить каждого делать по-своему без всякой вражды и притязания. Кто прав — покажет неотдаленная будущность.

Автограф. ЛБ. Г.—О. VI. 40.

⟨ВТОРОЙ ОТВЕТ ОГАРЕВА — ПРОДОЛЖЕНИЕ ОТВЕТА НА СТАТЬЮ ГЕРЦЕНА «МЕЖДУ СТАРИЧКАМИ». КОНЕЦ МАЯ 1869 г.⟩

МЕЖДУ СТАРИЧКАМИ **

Второй ответ старому другу

«Allez en avant, et la foi vous viendra».
D'Alembert
(Cité par Cournot dans «L'origine et les limites de la correspondance entre l'algèbre et la géométrie»)***.

Без сомнения, твой эпиграф из Бентама совершенно верен: «Одни мотивы, как бы они ни были достаточны, не могут быть действительны без достаточных средств». Следственно, весь вопрос в том, каким образом приобретаются средства?

Далее ты говоришь, что «экономически социальный вопрос становится теперь иначе, чем он был двадцать лет тому назад. Он пережил свой религиозный и идеальный возраст так же, как возраст натянутых опытов и экспериментаций в малом виде...».

---

* *Над зачеркнутым:* склада

** *Сбоку рукой Герцена карандашом:* Письмо второе

*** «Идите вперед, и вера к вам придет» — Д'Аламбер. (Цитируется Курно в ⟨книге 1847 г.⟩ «Происхождение и границы соответствия между алгеброй и геометрией») (франц.).

Эти два положения совершенно нераздельны. Именно, когда идеальный возраст прошел, именно тут-то и требуется приобретение средств к практическому созданию экономически-общинного (социального) положения, которое не то чтобы было следствием одних мотивов, одной предначертанной теории, а напротив того, само ставило бы мотивы, которых произведением, которых результатом была бы новая общественность.

«Следует ли толчками возмущать творческую тишину внутренней работы, инкубации, беспрерывной, неуловимой?..» *

Я не вижу в историческом ходе рода людского этой беспрерывной**, неуловимой инкубации. История шла гораздо больше борьбой и прыжками, чем творческой тишиной внутренней работы.

Контовское деление на эпоху теологическую, эпоху метафизическую и эпоху позитивную (положительного знания или понимания) может нам очень нравиться, но если ты на историю взглянешь совсем позитивно — где ты найдешь (по части сознания)«от начала века» что-нибудь, кроме перемешанных теологий и метафизик рядом с общественностями, едва с ними связанными,— то пережившими старую мысль, то не дожившими до новой. Позитивное знание только теперь начинается и должно вести к своей особой, так сказать, небывалой методе, которая и теперь еще неясно установилась.

Где ты найдешь хотя ⟨бы⟩ в древнем мире что-нибудь, кроме перемешанных теологий и метафизик? Гомеровские боги, существующие рядом с развитием Аристотелевской метафизики! Римское право ты, конечно, не примешь за положительную философию. Оно представляет самую сложную и сухую метафизику***.

Возьми эпоху пообширнее, т. е. древний мир и христианский мир. Что же вносит после Аристотелевской метафизики и метафизики римского права — христианство? Новую теологию и только. До чего же это доработалось человечество в несметном количестве веков? Maximum до немецкой метафизики и, наконец, до метафизики Конта, которая только приводит к тому, что основы положительной науки находятся в опыте и изучении природы. Это один из ее действительных результатов. Но самые основы этой положительной науки едва-едва постановлены, едва начинают быть возможными, потому что опытному изучению еще далеко до ясности. Решительно, положительная постановка вопросов — едва начинается, а в прошедшей истории есть везде только ее зародыши, специальные попытки, за которые общество казнило специальных тружеников (и то я говорю только о математиках и естествологах, т. е. о людях, которые невольно гнули к атеизму в противность богословию,—сюда я причисляю и астрономов, начиная с Коперника,— а вовсе не говорю о политиках, которые всегда танцовали между некоторыми убеждениями и невольно добирались до идеала Маккиавелли и Талейрана — из которых ничего нельзя вывести; это люди, отделяющие понятие от дела, мысль от поступка, общественную цель от современного положения — до такой параллельности, что оставайся сила в их руках — положение данного времени никогда не могло бы измениться и приблизиться к новой цели).

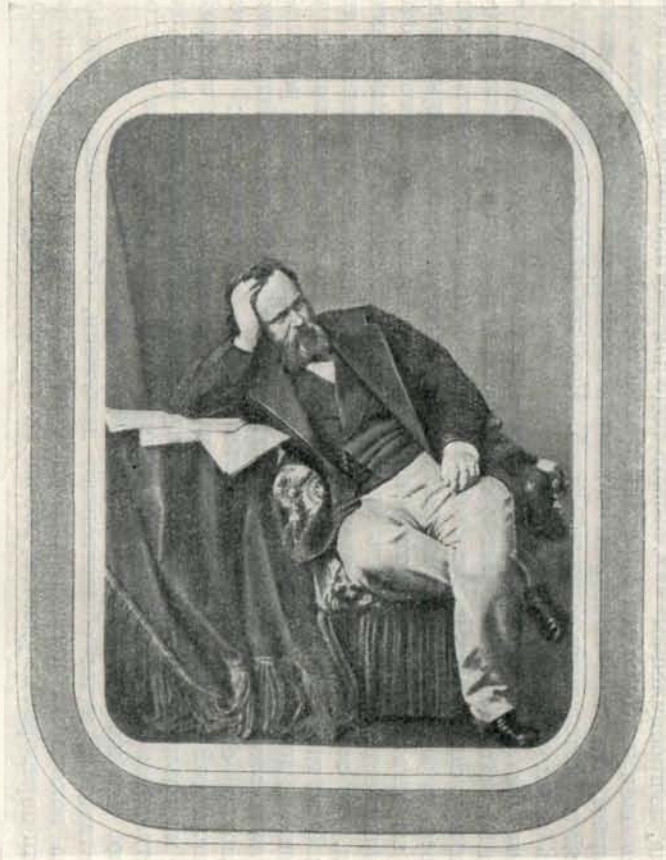
Но общественность не могла не иметь целей, и положение данного времени не могло не изменяться. Каким же образом вырывалась сила из рук этих людей, которые не хуже других понимали общественные цели,

---

* *Против этого места (л. 8 об.) рукой Герцена:* Может, дурно сказано — следует «очевидной», «явнобрачной» — не подлежащей сомнению.

** *Слово* беспрерывной *подчеркнуто Герценом и (л. 8 об.) его замечание:* Я не говорил о беспрерывности, а говорю о теперешней минуте.

*** *К этому и предшествующему абзацам относится примечание Герцена (л. 8 об.):* Всё это очень хорошо, но относится к Вырубову, а не ко мне.



ŒUVRES POSTHUMES D'ALEXANDRE HERZEN

СБОРНИКЪ

ПОСМЕРТНЫХЪ СТАТЕЙ

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВИЧА

ГЕРЦЕНА

(СЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА)

ИЗДАНІЕ

ДѢТЕЙ ПОКОЙНАГО

ЦѢНА 7 фр.

ЖЕНЕВА

ВЪ ТИПОГРАФІИ Д. ЧЕРНЕВСКАГО

40, Рue d'Eyraux, 40.

1870

TOUS DROITS RÉSERVÉS

СБОРНИК ПОСМЕРТНЫХ СТАТЕЙ ГЕРЦЕНА (ЖЕНЕВА, 1870 г.). ЗДЕСЬ БЫЛИ ВПЕРВЫЕ НАПЕЧАТАНЫ ПИСЬМА «К СТАРОМУ ТОВАРИЩУ»

Фронтиспис и титульный лист

но удерживали положение данного времени? Вырывалась ли она достигнувшим до возможного предела развитием сознания (или, проще сказать: знания или понимания) или противуставящейся иной силой, которая, если брала верх, то ставила новые общественные отношения и складывалась в новую общественность? Будь то Петр I или Конвент, а всё же не тишина внутренней творческой работы.

Я не вижу в истории ни одного примера такого развития понимания *, которому властвующее меньшинство уступало бы добровольно. Подвинулись ли мы в 1869 году настолько, чтобы развитие народного понимания могло идти как координата с народным терпением? Или прежде должно лопнуть народное терпение** (не дошедши еще до совершенного понимания нового общественного склада, но приобретая силу в борьбе), чтобы поставить обстоятельства народного склада в новые отношения и уже de facto создать из них новое общественное устройство?

Избежна эта метода исторического развития, которую ты можешь проследить от начала века, или еще неизбежна? That is the question***.

В конечных целях мы расходиться не можем, как ты сам это сказал. А конечная цель развития человеческой общественности — это, именно, придти к тому положению, к тем отношениям, где движение развития могло бы совершаться так, чтобы сознание и, вследствие оного, изменение в отношениях могли бы идти как координаты. Дошли ли мы в 1869 году до такого развития? Нет! Следственно, мой «That is the question» остается в полной силе.

Я думаю, что ответ, который я теперь предложу, не будет иллогичен: какие бы ни были вспышки, каждая вспышка станет новым запросом на пересоздание общественности, который без этой вспышки, хотя бы вспышка и рухнула, не проснулся бы****. Может, надо для достижения результата — число вспышек, которое мы определить не в состоянии; но помешать мы им не можем, так, как не можем помешать необходимости, опытом нами изученной в историческом ходе судеб. Что же нам остается делать? Помогать им по мере сил.

Это мы обычно и делали. В юности лет — именно потому, что die zerstörende Lust ist eine schaffende Lust; в старости лет — потому, что мы исторических пружин стереть не в состоянии; мы не в состоянии своротить ход исторического развития исключительно на научное развитие, которое одно и может выражать ту тишину творческой работы, о которой ты говорил. Если человечество когда-нибудь может достигнуть этого предела своего развития, где знание и общественность получат движение координат, то его спокойная творческая работа только начнется с этой минуты, но теперь оно его еще не достигло. Сила знания и сила выжидания остаются раздельны. Наука не составляет такой повсеместности, чтобы движение общественности могло совершаться исключительно на ее основании; наука не достигла той полноты содержания и определенности, чтобы каждый человек невольно в нее уверовал. Между тем сила выжидания исчезает в общественном страдании и общественное движение становится необходимостью. Что же делать?

Естественный путь: общественные движения, общественные перевороты, на некоторый процент изменяющие общественные отношения, и даже если переворот не удается, всё же он изменяет отношения настолько,

---

* *Рукой Герцена карандашом сбоку (л. 10 об.):* Да и понимания истории вовсе не было.

** *Отчеркнуто Герценом и сбоку его рукой (л. 10 об.) написано:* И то и другое — в взаимодействии.

*** «Вот в чем вопрос» (англ.).

**** *Сбоку (л. 11 об.) слова Герцена:* Люди могут очень задерживать (с хорошей и худой целью) вспышки и пихать на них à la Mazzini.

что самую науку общественности ставит на новую почву, и дело подвигается.— Вы меня спросите — куда? — Да, во-первых, всё к той же общей цели: достигнуть предела развития, где знание и общественность могли бы стать в отношение координат и где становится возможна спокойная внутренняя работа человеческого движения: «Allez en avant, et la foi vous viendra» *.

К сожалению, все перевороты в роде человеческом были и могут быть только местные; общий переворот в роде человеческом немыслим. Общий переворот может только обозначить сумму местных переворотов. В этом факте своя огромная доля неудачей. Но, вместе с тем, в этом факте заключается условие, вследствие которого местный удачный переворот может в данное время выработать только свою местную новую общественность. Поэтому социализм теоретичный, социализм всеобъединяющий, будь он Фурье или Гракха Бабёфа— неприложим. Реальная почва только и может быть выдвинута посредством реального движения, покамест общая цель, о которой я говорил, не достигнута. Реальное движение может быть только местное, и, в случае удачи, социализм, созданный на новых реальных отношениях, на новой реальной почве **, может быть только своеобразный, а нисколько не единый. Дело науки будет принять сумму и сопостановку различных общин, построившихся на различных реальных почвах, под свое ведение.

Мне кажется, что из этого достаточно ясно следует, что никакая предвзятая социология не построит никаких местных общин и никакой социальной общественности.

Я заключу на этот раз тем, что я нисколько не думаю, чтобы какая-нибудь предвзятая социология могла построить общины — будь то в России, где их корень в крестьянстве, будь то на Западе, где их корень в городских кооперациях ***. Реформа постепенная остается неудачною — или потому, что она выходит из предвзятых социологий, или потому, что она неискренна и ведет не к цели народных желаний, а к целям правительственного меньшинства. Это оказалось при всех русских реформах (о чем я писал, начиная с разбора манифеста об освобождении крестьян) да и в других странах оказывалось подобное. Таким образом, неудача постепенных реформ вызывает революцию, как неизбежность. Революция, смотря по обстоятельствам, действует путем сделки или путем террора. Возможны ли в современных движениях пути сделки или нет — это уже доказывают гревы****; но, во всяком случае, террор является не побуждением мести, а невольным делом перестройки.

Тут я также не могу не прибавить, что, во всяком случае, в русском деле и в западном революция не то что уничтожит всякое право собственности (даже на штаны) и не то что уничтожит всякое право на наследство (хотя бы штанов) — а постановит по-своему отношение личности к коллективности, из которой (постановки) определятся, количественно и качественно, иначе права передачи вещей одним лицом другому. Предначертать этого при современном постоянно задерживающем строе невозможно. Поэтому постепенная реформа является de facto постоянным вызо⟨во⟩м на революцию.

Автограф. ЛБ. Г.—О. VI. 41.

---

* «Идите вперед, и вера к вам придет» (франц.).

** *Рукою Герцена против этих строк (л. 13 об.):* Без сомнения

*** Роли изменились: я тебе именно это доказывал или в том же роде при Мерч⟨инском⟩; у тебя тогда была какая-то алгебра полит⟨ической⟩ экономии, и ты в ней искал предзнание. Я думаю, Мерч⟨инский⟩ помнит наш спор. Теперь ты читаешь Нечаева и Бакунина.— *Примеч. Герцена (л. 14 об.).*

**** забастовка, стачка (от франц. «grève»).

⟨ТРЕТИЙ ОТВЕТ ОГАРЕВА — НА ПЕРВОНАЧАЛЬНУЮ РЕДАКЦИЮ СТАТЬИ ГЕРЦЕНА «ТРЕТЬЕ ПИСЬМО» ИЗ ЦИКЛА «К СТАРОМУ ТОВАРИЩУ». ИЮНЬ 1869 г.⟩

ТРЕТЬЯ СТАТЬЯ

(1) Вместо продолжения контроверзы со студентами делаю самые искренние подстрочные примечания к твоему 3-му письму.

Нет! Я не понимаю, что́ называется политическим и что́ социальным элементом, потому что я получаю ненависть к слову социальный, социализм и пр.— Спроси себя и отвечай себе искренно: ты сам-то понимаешь *, что такое значит «социальный элемент»? Может быть, это слово очень хорошо для того, чтоб создать *новую религию*: но для того, чтобы *понять* в чем дело — оно невозможно.

Если я его употреблял или употребляю по привычке — я каюсь в этом и прошу прощения. Это слово именно приводит к неопределенности личности и ее отношения к коллективности. Я скорее, т. е. яснее понимаю слово *община* и потому яснее понимаю переворот русский, чем европейский, а потому и остаюсь исключительно преданным русскому вопросу. Поэтому также я не могу согласиться с тобой о ненужности революции и не могу согласиться с юношами об исключительности революции. Я вижу, что без революции общинный элемент поддержать нельзя, и он будет мало-помалу раздавлен; а забывая, при революции, что община** тот элемент, которому следует сохраниться и достигнуть своего разумного преобразования — можно испортить дело революции. Следственно, равно нельзя сказать, чтоб можно было обойтись без революции — посредством никак еще не определимого развития, как, с другой стороны, нельзя сказать, чтоб революция могла обойтись без сохранения какого бы то ни было уже существующего в жизни элемента. Ты видишь, что я не могу не спорить на обе стороны. Для меня революция представляет средство уничтожения*** сословных элементов, которые мешают развитию именно того общинного элемента, которого сохранение для революции составляет цель, и чем скорее может сложиться революция — тем лучше, тем прочнее этот общинный элемент может войти в свои права и приступить к своему развитию. Почему я говорю *прочнее* — да именно потому, что иначе он будет задавлен влиянием и силой высших сословий и правительства, которое прикидывается, будто его поддерживает, а на самом деле везде старается его разрушить: в доказательство приведу хотя бы один последний указ о казачестве (кроме множества других распоряжений, которые, пожалуй, соберу).

(2) Также еще раз я не могу согласиться с сравнением зоологического и исторического развития. Что каждое есть Naturprodukt—об этом, конечно, я спорить не стану; но в каждом из обоих Naturprodukt'ов — свои приемы, свои особенности, своя метода. Зоология строит свои ряды из окончательности форм отдельных организмов (муравей, жук, лягушка, обезьяна, человек), между тем как человеческая общественность (т. е. историческое

---

* Освобождение лица от одной части авторитета государственного и ее опеки, которая не касается ни до экономического факта, принятого за оправданный, ни до юридического быта, основанного на идеализме и дуализме, называется политическим. Освобождение innerhalb ⟨внутри⟩ государства патриотизма — социальное освобождение начинает отсюда — оно не подтверждает по давности экон⟨омический⟩ факт и берет иное отношение к вещи.— *Примеч. Герцена (л. 31 об.).*

** *Далее зачеркнуто:* это именно

*** *Далее зачеркнуто:* тех

развитие) меняет свои формы безокончательно, без постоянства и ограничения общественных форм *.

Я никогда не говорил, чтобы современный государственный быт был только политическим без экономических оснований; я, напротив того, говорил, что резких пределов между политическими и экономическими основаниями нет и что оба вопроса всегда присущи человеческой общественности. Но если современный государственный быт представляет политические и экономические формы, до того устарелые, что они к дальнейшему общественному построению неприложимы — что же с этим делать? Это факт, который, пожалуй, назовем историческим Naturprodukt'ом.

Этот Naturprodukt произведен целою цепью обстоятельств, толчков и насилий, сложившихся в сословности, которые теперь держаться не могут ни в своих политических, ни в своих экономических формах, и если держатся, то только посредством продолжения насилий.

Что же ты им противуставишь? Обстоятельства ли, которых мы определить не можем? Науку ли, которая нам не ясна? Или толчки, которые точно так же будут историческим Naturprodukt'ом? Рассуди сам.

(3) Я действительно говорил (и продолжаю поддерживать), что математических рядов исторического развития мы не знаем (да мы не знаем и математических рядов геологического и зоологического развития. Мы знаем только математические ряды абстрактные). И именно поэтому, что мы их не знаем, мы не в праве мешать ни постепенным, ни толчковым (революционным) рядам исторического развития. Заметь, что ведь никто из нас и не мешает постепенному ряду развития, а если б он был осмыслен, сознателен для своих деятелей, то толчковые (революционные) ряды были бы немыслимы; но так как ряд постепенного развития не осмыслен, бессознателен для своих деятелей, призрачен, то толчковые (революционные) ряды неизбежны, и нам остается не останавливать их, а содействовать им.

(4) Насчет приложения «пугачевского террора» к западной ли или к восточной цивилизации, ты сам упоминаешь, что я говорил о его бесплодности; но я, если ты хорошенько вспомнишь, говорил о его бесплодности не вследствие его уважения к массам, а именно потому, что такой террор (будь он в России или в Европе — в форме наполеоновского) ставит влияние личности выше всякого уважения к массам и берет себе в основание не вопрос народного общественного строя, а само влияние личности, эксплоатирующей в свою пользу народные бессознательности — традиционные предрассудки: так Пугачев действовал во имя царизма, а Наполеон во имя французского национализма. Но возьми историю наших декабристов (и это я тебе докажу с книгой в руках, в которой ты так горячо их отстаиваешь). Наши декабристы решались действовать на основании такого же террора, но уже не во имя влияния личности, но во имя нового народного общественного строя. Положим, что их ошибка в том, что их понимание нового общественного строя (или, лучше сказать, понимание этого строя им современным миром) не имела существенного основания в том общинном элементе народной жизни, который революция обязана сохранить для развития будущего; но их ошибка нисколько не состояла

* «Ведь если Саша прав и обезьяна переродилась в человека, тем не менее обезьяна в природе не умерла, а исторические общественные формы, отживши, вымирают. Римская республика исчезла в итальянском феодализме. Итальянские республики никогда не имели того же построения, а республиканский Рим больше не существует. Разница между общественностью и зоологией — огромная».— *Примеч. Огарева.*

Этого мы не знаем. Может, и человечество остановится, и не на одном, а на нескольких типах, навсегда или на время. Это по мере достижения предела— la limite— напр⟨имер⟩, Китай — или и Европа на буржуазию частями, как Голландия ⟨?⟩. И зверь не замкнут: у пчелы до окончат⟨ельной⟩ посадки и у муравья, может, были миллионы попыток, и кто отвечает, что у зверей не были и не будут разные прогрессы.— *Примеч. Герцена (л. 21 об.)*

в пропа⟨га⟩нде путей террора. Не заяви они во всех своих соображениях и поступках искание новой общественности, искание, которое должно было осуществиться путем террора (причем всё же исчезало уважение перед влияниями личности и возникало уважение — зачем же говорить идолопоклонство? — перед массами); не заяви они этого, может мы до сих пор не пришли бы к пониманию, что в России есть элемент общинной народной общественности, который революция обязана сохранить для развития будущего.

Террор, предполагавшийся декабристами, был беспощаден; пути его, сообразно с духом времени, были пути исключительно военные. Почему же тебе их пути не казались страшными? А как скоро эти пути переходят в террор крестьянский и работничий — они тебе кажутся страшными, несмотря на то, что они вводят в жизнь элемент общинной народной общественности, т. е. тот элемент, который революция обязана сохранить для развития будущего и который, следственно, ставит революцию на реальную почву?

(5) Может, я где-нибудь неясно высказался. В сущности, я думал и хотел сказать следующее: мы можем рассчитывать (даже не приблизительно) пути революции, но знать их не можем. Легко может случиться, что слагающийся террор не достигнет своей цели и перейдет в промежуточные формы общественного устройства; так же легко может случиться, что слагающиеся промежуточные формы — именно по своей слабости — приведут прямо к террору. Ничего этого останавливать мы не только не в праве, но не в состоянии. А помогать можем и тому и другому, потому что и то и другое составляют возможности. Объяснюсь примером. Правительство вводит новые судебные учреждения; мы этому мешать не в праве. Но мы узнаём, что новые учреждения довольно призрачны и, возбудив ожидание и не давая удовлетворения, всего больше способны вызвать террор, чем что другое; как же мы будем останавливать террор? Если Тьер только через 40 лет догадался, что экономический террор неизбежен, то зачем же нам непременно откладывать в себе понимание этого на неопределенное время? А прожить-то придется недолго; зачем же именно умереть в непонимании того, что готовится?..

(6) Насколько террор может или не может иметь успех — для этого расчета у меня опять нет данных. Быть может, террор должен будет повториться *n* раз и удастся только в *n*-ный раз; но вызван он всегда будет неудачею постепенных реформ, которые уже должны быть неудачны по своей неосмысленности и по своей неискренности.

(7) Ты всё пугаешься перед словом разбой или грабеж (и даже коммунизм). Но я уже давно говорю, что разбой или грабеж, который обыкновенно всегда является временно, при всякой вспышке (даже 14 дек⟨абря⟩ предлагалось разбить кабаки, а южное общество шло еще решительнее) — я давно говорю, что разбой может быть и не быть, может явиться как частный случай восстания — ради его спасения — но главное дело в неизбежном восстании, которое и должно стать началом. Сколько бы вызовы ни были ошибочны, сколько бы они ни хватали далеко — они не обойдут простого местного восстания, о котором я и говорил в другой статье, что его начало может иметь своею местностью только русский восток *.

Кажется, что я сказал всё, что мог, хотя вопрос не из легких. Если думаешь, что нужно продолжать — я с моим удовольствием готов. Но также скажи — какую форму дать всему вместе. В этом виде оно, кажется, только удобно для личных разъяснений.

---

* См. письмо «От дедушки к внучку» — «Лит. наследство», т. 41-42, 1941, стр. 65—66 (указанная дата «начало 1870 г.» не верна; следует: «весна 1869»).— *В. П.* и *Я. Ч.*